

A 3608 POC 4-4
1-445

НОЯБРЬ 1925 ГОДА.

ГОЛОС ТРУЖЕНИКА

ОСВОБОЖДЕНИЕ РАБОЧИХ
— ДЕЛО САМИХ РАБОЧИХ!

NOVEMBER, 1925.

PRICE 15C

RUSSIAN MONTHLY OF THE INDUSTRIAL WORKERS OF THE WORLD

Содержание

Скромный юбилей	3 стр.
Траурный месяц	4 „
Восьмая годовщина октябрьской революции	6 „
Некоторые предпосылки «завтрашнего дня»	9 „
Мираж демократии	10 „
«Интернационализм» социалистов	11 „
О классовой борьбе	12 „

Исторический отдел:

Позиции анархистов в русской революции	14 „
--	------

Хроника международного рабочего движения:

Развитие Международного Товарищества Рабочих ..	18 „
Испания. — Анархо-синдикалистское движение	21 „
Голландия и нефтяная политика (окончание)	23 „
Германия. — Амнистия. Налоги и пошлины. Реформистские профсоюзы.	24 „

Жизнь организации И. Р. М.:

Съезд рабочих морского транспорта	26 „
Забастовка заключенных членов И. Р. М. в тюрьме Сан Квентин, Калифорния	27 „
На защиту Ричарда Форда	28 „
В помощь заключенным	28 „

Отклики:

Международное Товарищество Рабочих	28 „
--	------

Воззвание:

Помогите политическим заключенным в С.С.С.Р. (Рос- сии)	32 „
--	------

Почтовый ящик:

Е. Ярчуку, Париж.	32 „
------------------------	------

Голос Труженика

GOLOS TRUZENIKA [THE TOILER'S VOICE]

Published Monthly by the General Executive Board of the Industrial Workers of the World.

УСЛОВИЯ ПОДПИСКИ: на год — \$1.50; на шесть месяцев — 80 центов.

SUBSCRIPTION RATES: \$1.50 per year; 80 c. per six months.

ОТДЕЛЬНЫЙ НОМЕР — 15 СЕНТОВ.

SINGLE COPY — 15 CENTS.

АДРЕС:

Golos Truzenika, 3333 Belmont Ave., Chicago, Ill.

VOL. VIII. No. 13.

NOVEMBER, 1925.

PRICE 15c

48-1231

Скромный Юбилей

этом месяце «Голосу Труженика» исполняется семь лет служения освободительному делу.

Возникнув в год революционного подъема и одушевления русской рабочей эмиграции в Северной Америке, «Голос Труженика» стал выразителем стремлений, чаяний и настроений наиболее передовой, сознательной и революционной ее части. На его семилетней истории можно проследить подъем и упадок революционной волны, революционного настроения русских рабочих масс в Америке. В его семилетнем существовании, как в зеркале, отражена вся история и все перипетии борьбы наших земляков, волею судьбы заброшенных в страну желтого дьявола и безудержной эксплуатации.

Рожденный рабочей массой, будучи плотью от плоти и костью от кости ее, он, естественно, был и продолжает быть барометром, точным показателем ее роста и ее упадка.

Годы 1918-19 были годами наивысшего расцвета революционного настроения среди русской рабочей колонии. Это были годы романтизма, годы великих надежд. В соответствии с силой революционного движения, «Голос Труженика», питавшийся его соками, его энергией и в свою очередь питавший его, выходил три раза в неделю в виде большой газеты.

Но после того, когда дымка романтического тумана, окутывавшая Россию, рассеялась и вместо прекрасной феи-свободы перед удивленным рабочим миром предстало отвратительное кровавое чудовище — диктатура, начался отлив революцион-

ного настроения, начался период упадка, период торжества пошлого мещанства, социального цинизма. Для «Голоса Труженика» начались тяжелые годы борьбы за существование, борьбы с разными «революционными» ополчителями и извратителями целей и путей освободительного движения. Житейская пошлость и мещанство, поддерживаемые всем укладом капиталистического общества, оказывались сильнее и «Голос Труженика» постепенно, медленно, отступая в полном боевом порядке, терял одну позицию за другой: он стал выходить вместо трех раз в неделю один раз, потом раз в две недели и, наконец, совсем приостановился. Казалось, что сила житейской пошлости и мещанства окончательно убили и похоронили стойкого борца. Но прошло полгода и «Голос Труженика» снова выступил на сцену борьбы.

Огромная заслуга «Г. Т.» состоит в том, что он не изменил своим идеям, не сменил пути, не пошел, как некоторые, вслед за мещанской толпой, не продался ей, не стал ее лакеем, а, наоборот, остался ее злейшим, заклятым врагом, ее бичем. За это «Голос Труженика» заслужил ненависть житейского болота и уважение сознательных и стойких пролетариев.

Слава и честь его солдатам и знаменосцам, не согнувшим выи и не дрогнувшим под натиском сильного и отвратительного мещанства! Слава им, не загрязнившим боевого знамени социальной грязью!

Слава и многие лета нашему скромному юбиляру, поседевшему в классовых битвах!

ТРАУРНЫЙ МЕСЯЦ

ДО сих пор история является историей крови, слез и страданий трудовых масс. Другой истории, рассказывающей о счастливой доле тружеников, нет, ибо не было еще счастливой доли у них. История, которая будет рассказывать о счастливой жизни и мирном, нормальном развитии всех людей, история, страницы которой не пропитаны кровью и не омыты слезами — впереди.

Несомненно, человечество, рано или поздно, добьется счастливой доли; несомненно, наступит время, когда история будет писана не кровью и не о крови, не слезами и не о слезах, когда она будет повествовать не о страданиях, а о великих достижениях и радостях жизни людей, спаянных солидарностью, равенством и братством. Порука этой уверенности — все растущая сила революционного сознания и нетерпения рабочего класса, освободительного авангарда человечества, заблудившегося во мраке капиталистической ночи. Как не печально, как не ужасно, но пути обездоленной части человечества, а следовательно, и всего человечества, к новому более лучшему, более счастливому состоянию лежат и тянутся через кровавые страницы истории. Не в наших силах изменить направление этого пути. Мы можем лишь избежать излишнего пролития крови путем сильной, мощной и целесообразной организации революционной пролетарской армии, путем правильной постановки цели и правильного выбора тактики, приемов и способов борьбы.

История освободительного движения, история борьбы с властью и капиталом трудящихся масс, главным образом пролетариата, есть история крови, слез и страданий по преимуществу. В истории каждой страны, где пролетариат пробудился к жизни, не мало есть кровавых страниц. В каждой стране есть великие мученики, отдавшие свою жизнь за великое дело, есть траурные дни и траурные месяцы. Иначе и быть не может. Ведь условия жизни и борьбы пролетариата в общем, исключая детали, во всех странах одинаковы и враг, поработитель и угнетатель один и тот же — капитал и его солдат государство.

Имеет свой траурный месяц и Северо-Американское рабочее освободительное движение. Этот месяц — ноябрь.

11 ноября 1887 года окончился последний акт Чикагской драмы — были повешены первые герои пролетарской борьбы Парсон, Спиз, Энгель и Фишер. Присужденный же к смерти Линг, убил себя в тюрьме, Шва-

бу и Фильдену смертную казнь заменили бессрочным тюремным заключением, а Нибе был приговорен на 15 лет каторжных работ.

Эти люди являлись крупнейшими и виднейшими работниками революционного рабочего движения Америки того времени. Все они примыкали к тому революционному течению в рабочем движении, которое разделяло программу и тактику бакунинской ветви Интернационала.

Когда в предприятии Мак-Кормика, в Чикаго, вспыхнула забастовка, они, естественно, приняли в ней самое активное участие. Буржуазия их ненавидела и боялась — они были для нее живым напоминанием грядущего страшного суда.

И когда, после избияния бастующих рабочих, в полицию была брошена бомба, буржуазия воспользовалась этим, чтобы избавиться от опаснейших своих врагов; она задумала убийством этих рабочих обезглавить революционное рабочее движение и тем самым приобрести себе покой. Все эти восемь человек были арестованы и обвинены в бросании бомбы. Суд, совершенно игнорируя факты и обстоятельства дела, говорившие о невинности подсудимых, выполняющая волю буржуазии, присудил всех, исключая Нибе, к смертной казни через повешение.

Любопытно просматривать буржуазную прессу того времени. Буржуазия была так рада приговору, что не могла этой радости скрыть. Она, как дикий, плясала и танцевала вокруг своих жертв, издевалась над ними и их близкими. Она заранее со смаком описывала картину, как они будут болтаться на веревке, как будут плакать их жены, готовя саваны. Газеты вопили, как кликуши: жены, готовьте скорее гробы для своих висельников! ...

Прошло несколько лет, реакция спокойно царствовала в стране и буржуазия, уверенная в своей силе, устами губернатора штата Иллинойс, созналась, что убийство и замученные — невинны. Это признание губернатора горит ныне пламенем позора для буржуазии на могильном памятнике казненных.

Пролетарии всех стран каждый год вспоминают этих мучеников и клянутся отомстить за них и тысячи других безвестных жертв, они клянутся продолжать их дело — уничтожение общества, порождающего такой подлый класс, каким является буржуазия.

Говорят, что мертвые не страшны. Но это не верно. Есть люди, которые после

смерти страшнее и опаснее, чем при жизни. Такими людьми являются мученики за великие идеи освобождения. Они своею смертию смерть масс попирают, даруя им, находящимся во гробе капитализма, новую жизнь.

Так случилось и с Чикагскими мучениками — они умерли, но дела и идеи их живут. На смену им пришли другие, кому не страшна смерть от подлых и кровавых рук буржуазии. Пришли **Индустриальные Рабочие Мира**. Они продолжают дело чикагских мучеников. И они уже сумели заслужить жгучую ненависть буржуазии, трепещущей от страха при одном имени — «I.W.W.» Буржуазия понимает, что в их лице пришли не только мстители, но могильщики ее. И она напрягает все усилия, пускает в ход все подлости, все виды преступлений, чтобы самой стать могильщицей I.W.W. Но, увы! все напрасно. Судьба уж давно начертала письма роковые на стенах дворцов ее: «Пролетариат — твой могильщик. Ты его породила, а он тебя убьет...»

Обезумевшая, дрожащая за награбленное добро, она ныне в подлости не знает границ. Преступная по природе, она вспомнила вопиющее преступление 1887 г. своих дедов и отцов и решила последовать их примеру, чтобы избавиться от певца и поэта пробуждающегося пролетариата, от Джоу Гилла, своими песнями воодушевлявшего труженников.

Буржуазия Салт Лэйк Сити, штата Юта, выполнила эту роль и не замедлила привести в исполнение свое злое дело. Она ложно обвинила Гилла в убийстве лавочника, и 19 ноября 1915 года казнила его, т. е., по-просту говоря, убила его «по-суду».

Безнаказанное убийство других — привилегия государства и господствующего в нем класса.

Но песен его она не убила, они продолжают делать свое великое дело.

Убийством Джоу Гилла американская буржуазия начала серию преступлений против I.W.W.

Мы не будем говорить о всех ее преступлениях, их много, мы остановимся лишь на самых крупных из них, которые приходятся на ноябрь месяц, — месяц траура И. Р. М.

Год спустя после убийства Джоу Гилла, буржуазия города Эверетт, штата Вашингтон, совершила еще более кровавое дело, чем салт-лэйкская буржуазия.

Всем известно, что буржуазия, идя к власти, замещая феодалов и аристократов, провозгласила священными и незлыблемыми права человека на свободу слова, печати, собраний, совести и т. д. Все эти права красуются во всех конституциях, кото-

рыми до сих пор гордится буржуазный мир. Но по мере роста силы сопротивления пролетариата, по мере его перехода от обороны к наступлению, эти свободы и эти права буржуазия стала толковать как свободы и права только для себя, ибо, по примеру аристократии, у которой человек начинался с барона, она ныне считает, что человек и гражданство начинается только с буржуа. Ясно, следовательно, что пролетарии — не люди и не граждане и все записанные в конституции вольности к ним относиться не могут.

Буржуазия города Эверетт, не являлась исключением из этого правила. Она ярая приверженица свободы слова, но не для индустриалистов и когда последние захотели урвать в правах пользования свободой слова, то эвереттская буржуазия с ними жестоко расправилась.

30 октября 1916 года партия индустриалистов, снарядив катер, из Сиатла отправилась в Эверетт добывать свободу слова. Их встретила банда наймитов лесных магнатов, руководимая шерифом Макрей. Эта, вооруженная до зубов, банда жестоко избив смельчаков, посадила их в автомобили, вывезла за город и там прогнала сквозь строй двухсот пьяных и озверевших бандитов, бивших индустриалистов ручками револьверов.

Это, однако, не остановило индустриалистов и они на 5-ое ноября назначили в Эверетте митинг. Утром этого дня из Сиатла в Эверетт отошел пароход «Верона» с 250 индустриалистами, вскоре за ним последовал пароход «Калиста» с 38 индустриалистами. Картину самой драмы мы воспроизведем по «Голосу Труженника»:

«Под звуки «Hold the Fort», распеваемого энтузиастами, пароход «Верона» причалил около 2 часов пополудни к пристани Эверетт. Площадь у набережной была усыпана гражданами, отделенными от пристани веревкой, и охранялась вооруженными наемниками лесного треста. Под прикрытиями залегли одуревшие от водки и жаждущие крови палачи, ожидая условного знака от шерифа Макрей, чтобы начать кровавую расправу над приехавшими индустриалистами. Шериф дал сигнал, выстрелив из револьвера, и со всех сторон засады посыпались пули в направлении парохода «Верона». Пули летели во всех направлениях, поражая друзей и врагов лесных баронов. Некоторые бросились в воду и были там убиты. Смертельно раненый, товарищ рабочий Джонсон, обратился к товарищам со следующими словами:

«Подымите меня, товарищи рабочие, я хочу кончить песню». Под град пуль, со словами «Cheer, my comrades, cheer» Джон-

сон испустил дух. Наконец, под угрозой смерти, механика принудили дать задний ход и пароход отошел от пристани.

С убитыми и ранеными на борту «Верона» направилась в Сиатл, предупредив о случившемся «Калиста», не рискнувшую подвергнуться той же участи. Так отдали свои жизни в борьбе за освобождение рабочего класса: Ф. Бойран, Г. Джу-глот, Г. Джонсон, Дж. Луни и А. Рабинович. Количество утонувших неизвестно, но есть основание предполагать, что их было более шести. Было также около 30 человек раненых...

Спустя три года после Эверетской трагедии И. Р. М. пережили новую, известную ныне под именем Сентралской трагедии, автором которой был Лесной Трест, стремившийся всяческими мерами искоренить влияние И. Р. М. среди лесных рабочих. Эта трагедия разыгралась в Сентральной, штат Вашингтон, 11 ноября 1919 года (день убийства чикагских мучеников и перемирия с Германией); главным действующим лицом был Американский Легион.

Под влиянием агитации лесных магнатов, парадировавший в этот день Американский Легион напал на помещение И. Р. М. и стал его громить. Однако, «войки» были встречены огнем и потеряли за свое хулиганство четыре человека убитыми. Этот отпор хулиганам дорого обошелся И. Р. М.

Начались аресты. Буржуазная печать подняла бешенную травлю индустриалистов, обвиняя их, что они стреляли с крыши. Своей нарочитой травлей и клеветой пресса лесных баронов разожгла звериные инстинкты темной толпы. Началась охота на индустриалистов, пойманных избивали, мучили и убивали. Так, например, тов. Весли Эверест, будучи арестован, был жестоко избит и повешен на железнодорожном мосту. Других арестованных заставляли рыть могилу для Весли Эверест. Погром разлился по всему северо-западу. Отряды легионеров охотились в лесах на рабочих, как на зайцев. Этот террор возмутил весь рабочий класс и железнодорожники, в знак протеста, не сделали регулярной остановки на станции Сентральной.

Буржуазия этим не удовлетворилась; она судила всех арестованных и при помощи лжесвидетелей, к которым она так часто теперь прибегает, семерых осудила от 25 до 40 лет тюремного заключения.

Такими путями пролетариат идет к новому обществу и не его вина, если он, победив своих врагов, предается ожесточению и мщению.

Рабочие должны понять, что правосудие, справедливость, человечность скорее можно найти у дикого зверя, нежели у буржуазии, защищающей свое право эксплуатации.

Восьмая годовщина октябрьской революции

ВРЕМЯ безостановочно движется. Текут годы сплошною чередой. Прошлое отходит в глубокую даль. Безжалостное, слепое время стирает различия прожитых дней, делая их однородной массой. Но в жизни народов и в жизни отдельных людей имеются дни, над которыми время не властно. Такие дни, как дни октябрьской революции, не могут быть стерты временем, не могут быть шаблонизированы им. Только со смертью той огромной массы русского народа, которая пережила эти дни, воспоминание о них потускнеет, потеряет яркость, живость, красочность и то особое волнующее чувство, которое охватывает каждого, когда события этих дней встают в памяти. Восемь лет минуло с тех пор, а воспоминания так живы, так ярки, что даже не верится, что время так далеко отодвинуло от нас эти дни, дни перелома в жизни крупнейшей страны.

В памяти встают картины за картинами. Их яркость, драматизм и глубочайшее содержание наполняют душу священным тре-

петом, особыми непередаваемыми чувствами... И в то же время, по мере приближения к настоящему, рождается печаль, горечь, щемящее сердце чувство. Душа дрожит, как натянутая струна... Как не дрожать, как не волноваться, когда мысленно проходишь путь от 1917 года к 1925-ому. Какое великое начало, какие великие цели и дела и какой подлый конец с горькими результатами!

В феврале (в марте по новому стилю) 1917 года рабочие и крестьяне России, одетые в солдатскую шинель, восстали против самодержавия и аристократии; они свергли их во имя хлеба, мира и свободы. Однако, они скоро познали, что при буржуазии, занявшей место аристократии, не может быть ни мира, ни хлеба, ни свободы. Рабочие убедились в короткое время, что буржуазия — война, эксплуатация с нищетой и голодом, свобода на словах и рабство на деле.

И как только это сознание пришло, пришло и дело. Несмотря на тягчайшую, сложнейшую и запутаннейшую обстановку, во-

преки воплям «благоразумных» о несвоевременности коренного решения социального вопроса, рабочие и крестьяне, толкаемые неотвратимой логикой исторического развития страны, совершили новую революцию, революцию против буржуазии; они наполнили ее социальным содержанием, поставив в центре ее требование хлеба, воли и права свободного строительства жизни. Перед удивленными народами мира развернулась дивная картина, очарования которой еще многими владеют до сих пор, хотя современная действительность России не имеет ничего общего с тем временем.

Что нужно угнетенным и эксплуатируемым классам для человеческого существования? Что необходимо людям вообще для свободной и нравственной жизни? Свобода, основанная на экономическом равенстве, ибо всякая другая свобода есть ложь, обман, мираж. Только на почве экономического равенства могут возникнуть общественные учреждения, обеспечивающие свободу каждого, право каждого на непосредственное, прямое участие в строительстве жизни. Вне этого и без этого нет свободной и нравственной жизни без эксплуатации человека человеком, без власти одного над другим. Свобода — дочь равенства; без свободы и равенства нет нравственности. Поэтому социальная революция, стремящаяся к экономическому равенству и свободе — явление высоконравственное. Только высоконравственные дела могут поднять и воодушевить огромные массы, только они способны зажечь их огнем энтузиазма и двинуть на великие и геройские подвиги. Вот почему так жалки были попытки сопротивления буржуазии и ее прихвостней вначале октябрьской революции. Сила сопротивления буржуазии росла пропорционально аморализации революции, пропорционально растлению ее духа диктатурой, самовластием и произволом, пропорционально выхолащиванию из нее элементов экономического равенства и свободы, то-есть нравственности.

Буржуазный строй в высшей степени безнравственный, несправедливый; он держится и продолжает существовать только благодаря грубой физической силе темных и малосознательных рабочих масс; но как только луч сознания проникнет в их темные души, наступит конец буржуазного строя, существующего только благодаря их физической силе, находящейся в его распоряжении. Общественный порядок, существующий благодаря физической силе и жестокости — безнравственен, ибо в основе его лежит эгоизм, грубый эгоизм господствующих классов общества.

Современный режим в России и современные порядки в ней нельзя назвать буржуазными, еще менее социалистическими или коммунистическими. Это строй деспотический, то-есть самый наибезнравственнейший из всех режимов, которые только мыслимы. Именно, по этой причине он самый жестокий, наиболее угнетательский и развращающий. Без физической силы, без террора, без подавления самых элементарных свобод он существовать не может, — малейшее послабление и он погиб.

Как могло случиться, чтобы социальная революция выродилась в деспотизм? Как могло случиться, что народные массы, раздавив бешенное сопротивление тех, которые подняли меч во имя защиты безнравственного принципа, безнравственного режима, основа которых — философия **неравенства**, в свою очередь оказались раздавленными людьми, оказавшимися в такой же степени безнравственными? Что за каприз истории? Что за странная логика событий?

Однако, мы здесь не усматриваем ни каприза истории, ни странности ее логики. То, что случилось, подготовлено было всей историей развития страны, мы бы сказали, не только историей развития одной страны, России, но всей историей и характером развития мировой культуры и цивилизации. Ведь никто не скажет, что государственный социализм и коммунизм — продукт русской истории. Никто не будет отрицать того факта, что в цивилизации последних веков преобладало преклонение перед государством, его обоготворение и вера в него, как в орудие освобождения, несмотря на его безнравственную природу. Люди думали достигнуть нравственности, то-есть свободы и экономического равенства, безнравственным путем, через несвободу и неравенство.

А ведь все это было социальной религией для огромной части организованного пролетариата всего мира. Россия не была исключением...

После гибели в России антигосударственного освободительного движения его заменило движение, содержанием которого было государство и диктатура. На протяжении четверти столетия им отравляли сознание трудящихся масс. Поскольку конечные цели государственного социализма в теории совпадали со стремлениями эксплуатируемых масс, поскольку государственный социализм обладал в мантию свободы, постольку он становился религией пролетариата. И когда революция сбросила с трудящихся вековые цепи деспотизма и освободила от возможного буржуазного господства, когда она в своем дви-

жении творила живой народный, так-сказать, социализм, то она нашла поддержку в государственном социализме, в лице наиболее энергичной и решительной фракции — в большевиках. Помимо общих исторических факторов, большевики стали ее возбудителями и шли во главе ее. Они в глазах огромной массы трудящихся срослись с ней, стали ею и благодаря этому устранялось понятие, что большевики — не революция и революция — не большевики. В сознании трудящихся масс это было слито воедино, несмотря на полярно противоположные характеры революции и большевиков. Благодаря этому обстоятельству они получили полную свободу развязанных рук, ограничивая ими постепенно, но неуклонно, свободу и самостоятельность трудящихся масс; постепенно укрепляя диктатуру, они растлевали душу революцию.

Если бы это растление окончилось непом в 1921 году, а в годы обостренной гражданской войны, то можно определенно сказать, что революция была бы раздавлена не коммунистами, а белыми; но так как к этому времени процесс нравственной кастрации революции не был закончен, то революция еще имела элементы нравственности, то-есть свободы и экономического равенства, а главное, что трудящиеся имели еще надежду на свободное развитие и строительство жизни в направлении свободы и равенства после гражданской войны, то этим судьба белых была предопределена. Таким образом революция была побеждена не извне, а изнутри; внутренними врагами оказались те, кто организовывал энтузиазм народных масс для победы в гражданской открытой войне. Когда кончилась война, то трудящиеся оказались связанными по рукам и ногам. Не протестуя в свое время против убийства свободы, против ограничений, против всевозможных регламентаций, не протестуя против замены федерализма централизмом, самостоятельности опекой, не протестуя против террора и т. д., потому что все это как-бы вытекало из железной необходимости защиты революционных завоеваний, трудящиеся в результате потеряли даже многие из тех завоеваний, которые они сделали еще при самодержавии. Таким образом, государственный социализм, прикрываясь нрав-

ственными целями, к которым шел безнравственными путями, погубил народную революцию, революцию, несущую свободу и равенство, революцию, начавшую строить на основе экономического равенства учреждения, обеспечивающие свободу и утвердил безнравственность, то-есть неравенство и рабство.

Это торжество безнравственности или, как говорят, банкротство русской революции, имело (и продолжает иметь) огромное отрицательное влияние на международное рабочее движение. Обнаружившийся деспотический характер государственного коммунизма породил реакцию в рабочем движении и фашизм в политике.

Однако, несмотря на все это, русская революция будет в этом столетии играть такую же роль для международного пролетариата, какую в прошлом столетии играла французская революция 1789-93гг. для мировой буржуазии. Ее идеи станут, уже становятся, точкой прицела нынешнего столетия.

О, конечно, это не те реакционные идеи, которые распространяет по всему свету Коминтерн. Нет, это — идеи рожденные самой трудящейся массой, не сумевшей по недостатку организованности и сознания удержать их воплощенными.

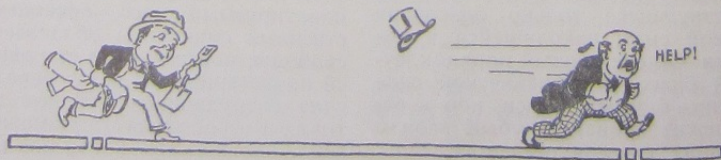
Идея советов, то-есть идея федерации коммун не умрет, не умрет уже потому, что она трижды пыталась воплотиться в жизни. Несомненно, пролетариат ныне понимает (или начинает понимать), что под коммунизм, под федерацию вольных советов, коммун — учреждений гарантирующих свободу — необходимо подвести базис экономического равенства. И, снова, в третий раз, воскреснут, чтобы не умереть, фабрично-заводские комитеты, в распоряжении федерации которых окажется вся материальная сторона жизни.

Коммунализм в политике и синдикализм, индустриализм в экономике — вот ближайшие цели ближайшей революции.

Да, русская революция умерла, но идеи ее живут и готовят новую уже победоносную, всеочищающую революцию.

Не будем падать духом и предаваться унынию, пусть будет нашим кличем:

Революция умерла, да здравствует революция!

Некоторые предпосылки „завтрашнего дня”

Е мешает чаще внушать себе и своим товарищам, что, на-завтра после свержения старого строя, первым долгом революционных рабочих является **захват экономической власти в свои руки**; или, отбрасывая эту терминологию, которая может отпугнуть, не столько своим содержанием, сколько тем, что она неприятно звучит, отнять от старой власти или от той, которая захочет сорганизоваться на завтра после революции, как можно большее количество ее прежних экономических функций и не допустить ее даже к каким бы то ни было попыткам — государственного-ли или частно-капиталистического характера — эксплуатировать труд и естественные богатства страны.

Цель всякой революции — повышение материального благосостояния и духовного уровня населения. Цель-же социальной революции, это — дать все предпосылки, на основе которых трудящиеся могли бы самостоятельно установить тот уровень материального, морального и социального благосостояния, к которому они стремятся.

Вот эти то предпосылки и должны быть подготовлены **заранее — до фактического переворота**. Без этой подготовки революции окажутся частичными, половинчатыми и не дадут возможности **трудящимся строить самим свое дело**. Найдутся всегда другие, которые возьмутся строить **за и для них**.

О двух из этих предпосылок поговорим сегодня.

Среди вопросов, касающихся переустройства общества на новых началах, на-завтра после успешно-совершенного переворота, следует поставить на первое место, во главу угла, вопрос о **правильном распределении сырья**, ибо от правильного решения этого вопроса зависит быстрота, скорость и безболезненность организации производства.

Для того, чтобы правильное распределение сырья, имеющегося у революционной страны, могло быть произведено с успехом, необходимы две предпосылки: **правильное и точное знание всех богатств страны**, — (мертвый и живой инвентарь) — **их местонахождение и количество**; и **правильная организация рабочих сил**, непосредственно связанных с добыванием данного сырья.

Другими словами, в процесс подготовки

тельного накопления сил, **до революции**, должны играть большую роль:

- а) **Статистика**;
- б) **Производственные объединения**.

Что такое статистика? Просто и коротко говоря, это — прикладная арифметика; это — творящие числа, и чем правильнее эти числа, тем более правильно они говорят.

До сих пор статистика была всецело в руках правящих классов, и получаемые ими цифры и числа шли на созидание **их** дела. В Советской России, где статистика распространилась вдоль и поперек страны, приходилось отмечать одно и то-же: **использование цифр для дела государства**. И когда цифры не очень-то хотели идти ему на помощь, статистика искажалась и приспособлялась к тем или иным нуждам и потребностям.

Таким образом, можно сказать, что объективной и безупречной статистики почти что нет. Главный недостаток нынешней статистики, это то, что она проводится в бюрократическом порядке, устраняя широкие массы от участия в ней.

И если рабочие организации должны будут играть перво-степенную роль в деле производства, то **они сами** должны создавать свою статистику, которая могла бы им дать необходимые сведения.

Что должны рабочие знать? Они должны установить: пункты страны, где уголь, железо, и т. д., и в каком количестве исчисляется добыча, в соответствующий период времени при соответствующем количестве рабочих; где имеются и какие заводы; их выпускная способность, количество рабочих, занятых в них; какие страны ввозят, что и в каком количестве, то-есть знать, что страна не может вырабатывать у себя и почему.

Такие данные должны были бы быть сосредоточены в руках рабочих организаций, а именно, в руках **производственных объединений**. Если, например, взять машинное производство и вообще все, что касается металло-обрабатывающей промышленности, то все сведения о всех металлических и угольных рудах и шахтах должны добываться производственным союзом горнорабочих и сосредоточиваться в нем, а сведения, связанные с обработкой добываемого сырья, должны сосредоточиваться в производственном союзе металлистов.

Как бы не была важна территориальная

единица в налаживании местной жизни — будь это фабрично-заводской комитет, местный кооператив, биржа труда или коммуна, — целесообразное устройство жизни в **масштабе всей страны**, т. е. равномерное производство, распределение и потребление во **всей стране**, не возможно без соответствующих **компетентных** аппаратов целой страны.

Правильная постановка в **настоящее время** рабочей статистики, статистики народного хозяйства и правильная организация профессиональных союзов по производственному принципу обеспечат нам уверенность, что немедленно после свержения государственного аппарата, рабочие будут иметь **достаточную подготовку** и достаточные сведения, чтобы сейчас же пустить в ход перенятое от капитализма производство.

В тех или иных странах, время от времени, происходили попытки частичного захвата фабрик рабочими*). Во всех этих случаях, помимо всего прочего, главным образом наблюдалась явная неподгото-

вленность рабочих к **организации** производства: отсутствие знания основных источников сырья, нужного для производства, почти-что полное незнакомство с положением рынка, обеспечивающего данное производство и неумение привести в соответствие рабочую силу с объемом производства, необходимым для удовлетворения потребительских нужд. Целый ряд этих и других затруднений и подводных камней необходимо, и это вполне **возможно**, избегнуть, если революционные рабочие организации приступят сейчас-же: а) к прочному укреплению своих союзов по производственной линии, отбрасывая отжившую цеховщину, т. е. к созданию объединений по производственному принципу, где таковых нет; б) к созданию **своей** рабочей статистики посредством этих-же индустриальных объединений.

Знать накануне революции, что у нас имеется и чем мы можем располагать, это — половина победы.

А. Шапиро.

МИРА Ж ДЕМОКРАТИИ

НИКОГДА не будет поздно отметить, сколь опасны иллюзии, которыми народ — да и все народы, ибо это не является особенностью лишь одного французского народа — убаюкивает себя. Среди этих иллюзий, иллюзия наших дней больше всего вносит разложение в область социального прогресса, это — та иллюзия, которая развивает веру в то, — хотя это и опровергается фактами, — что другой сделает для нас все, что мы сами не в состоянии сделать.

Это, в сущности, и является идеалом демократическим: доверенный нескольким выдающимся личностям, он никогда не осуществляется, а то ничтожное, которое осуществляется в жизни, достигается лишь благодаря народному натиску. Это наглядно показывает, что народы никогда ничего не получают больше того, что они в состоянии вырвать из рук хозяев. Демократическая идея в том виде, в котором она кристаллизуется перед нашими глазами, может быть выражена простой формулой: «добрая воля без смелости».

И если я пользуюсь выражением, делающим демократам комплимент относительно доброй воли, то это потому, что я не счи-

таю возможным унизиться до спора с демократами на словах; я, однако, считаю, что и в рядах демократии имеются искренние люди, верующие в возможность осуществления минимума справедливости и равенства, избегая революции.

В настоящее время, однако, нет сомнения, что все такие попытки останутся тщетными и бесплодными, если люди откажутся от решительных действий и предпочтут просить, вместо того чтобы научиться требовать. Ряд тяжелых опытов доказал, что все реформы были добыты лишь после долгой борьбы и что все эти реформы так искажаются при их проведении в жизнь, что они не представляют собою никакой опасности для капиталистического режима — будь он республиканский или монархический.

Реформы с демократическим привкусом имеют один основной недостаток: они в полном смысле сохраняют буржуазный строй; дух этих реформ, — хотя и утверждают, что они удовлетворяют требования рабочего класса — ни в чем не нарушают ни привилегий имущих классов, ни установленный порядок капиталистического государства. Таким образом приходится констатировать, что за последнее полвека ничего не изменилось к лучшему для рабочего, а что, наоборот, экономическое по-

*) В Италия в 1920 году и в России до октябрьского и после октябрьского переворота.

рабощение душит его еще больше. И если в прежнее время была возможность известного благосостояния и обеспечения старости (хотя, не знаю, было-ли это когда-либо), то теперь этого уже нет и не думаю, что я сильно ошибусь, сказав, что этого времени никогда не будет, если сам пролетариат этого не захочет и не осуществит своими руками. Создавшееся положение является результатом господства демократии, той демократической идеи, которая, под предлогом уважения к собственности и, к так-называемой, свободе для всех, привела массы к отказу от своих прав и даже — что гораздо хуже — до лишения своих прав. Благодаря такому положению, массы берут то, что соблаговолит им дать и не умеют брать то, в чем им отказывают. К этому жалкому результату и к этой психологии нас привела иллюзия, что достаточно иметь желание и поручить его горсточке людей и они нам дадут желаемое.

Но зло демократической иллюзии еще более велико; она является не только усыпительницей рабочей энергии, но она устанавливает власть в руках имущих классов, которые в действительности и правят.

Не случилось ли так во Франции? Не должно ли было правительство г-на Эррио — являвшееся образцом демократического правительства — оставить свое место правительству более послушному к приказам биржевиков? Ведь выборы-то прошлого мая, на основе всеобщего избирательного права, указали на желание социальных реформ и мира?! Выборы в общинные провинциальные советы не высказали-ли те-же самые пожелания, то-же самое стремление? Но, правда, это лишь пожелания, да стремления, а правителям, буржуазии и монархам нет до них дела. Биржевик велик и генерал его пророк. Ибо демократия, как и plutократия, опираются на штык, как деревцо опирается на свою подпору; чтобы защититься от ударов, которые мо-

гут ей быть нанесены массами, она прячется под знамя генералов. Ошибки последних являются лишь незначительными мелочами, даже тогда, когда они стоят много тысяч человеческих жертв, тогда как требования и желание мира со стороны широких масс считаются преступлением, которое необходимо наказать самым жестоким образом.

Народ смеет презвонгласить свою ненависть к войне, ко всем войнам... надо поскорее надеть ему намордник... Вот уж несколько месяцев, как проголосована амнистия, однако, двери тюрем открываются не для освобождения, но для заключения и для этой цели мобилизуются судьи, жандармы, полицейские. Хочет-ли народ протестовать после этого? Демократическое правительство готово дать ему понюхать пороха и выкупать свое полинявшее республиканство в рабочей крови. Молчать, в ряды! Вот лозунг финансовой демократии и пароль по всей стране — подчинение дисциплине штыка!

Горе тому, кто шевелится, горе тому, кто кричит о своем отвращении к такому режиму: тюрьма его ждет, судьи его ждут.

Носке принял французское гражданство!

Посмейте, после этого быть демократом! Посмейте, после этого сказать, что ничего не изменилось! Демократия, благодаря отсутствию смелости — достойная сестра реакции. Она не решается проводить здоровые решения, соответствующие положению, она может применять лишь полумеры.

Для нее имеются лишь два выхода: или уступить место революции или ввязнуть в самую гнусную реакцию.

Мы можем быть уверены, что она выберет последний из этих двух путей и поставит под своим делом подпись, вполне соответствующую ее внутреннему существу: **кровь.**

Люсьен Шевалье.

„Интернационализм” социалистов

Немецкая социал-демократия во время войны.

«Обратите ваши деньги в гранаты!

Обратите ваши деньги в подводные лодки, в проволочные заграждения, в пушки и гранаты, в пулеметы и пули. Этим вы спасете жизнь наших героев на фронте!

Заем должен доказать нашим врагам, что экономическая сила Германии не ослабла, дабы они потеряли бодрость и надежду на наше поражение!

Пусть одалживает каждый сколько сможет отечеству: богатый — больше, бедный — меньше. Отсутствовать никто не имеет права!

Подписывайтесь на шестой военный заем!»

«Форвертс», центр. орган немецкой соц. демократической рабочей партии, 15 марта 1917 года).

О классовой борьбе

Т души приветствуем появление статьи о «Классовом характере анархизма» («Голос Труженника», октябрь 1925 года). Пора, давно пора нашим товарищам рабочим из анархического лагеря отмежеваться от прилипших к анархизму элементов, а также и от элементов считающих себя анархистами лишь по старой памяти.

Хотя мы и не анархисты, (в тоже самое время мы больше анархисты, нежели многие из современных анархистов), но мы заинтересованы в размежевании чернознаменцев, заинтересованы по чисто эгоистическим соображениям. Мы народ практический. Мы заняты спасением самих себя от гнета власти капитала. Индивидуально освободиться мы не можем. Мы ищем соратников для классовой борьбы. Ближайшие к нам элементы — анархически-настроенные рабочие. Мы надеемся на их силы в борьбе за освобождение. Мы хотим освободить рабочий класс, т. е. самих себя, но наши друзья анархисты поставили себе очень большую задачу — освободить и раба, и погонщика, и тюремщика, и палача, и пола, и буржуа, одним словом, все человечество. Классовые рамки для них «тесны»; так говорят нам «идеальные» люди.

В то время как некоторые анархисты заняты разглагольствованиями о народе, о всем человечестве и т. д., предприниматели организуются, как класс, индустриально, национально и интернационально. Если бы мы желали брать уроки из жизни, то, в отношении организации рабочего класса, нам многому нужно было бы поучиться у наших врагов капиталистов. К сожалению, многие рабочие, не признающие никаких авторитетов в теории, на практике плетутся за «буржуазными анархистами», т. е. за анархистами, не признающими классовой борьбы. Буржуазные анархисты на это имеют большое основание, а рабочие анархисты!?

Мне приходилось вести дискуссии с анархистами в русско-американской печати. Анархисты всегда оставались правы, так как против моего одного (или единого, как хотите назовите) револ. индустриализма у них имелась такая вариация анархистических оттенков, что какойнибудь из них, как раз, приходился в точку, чтобы разбить на голову «консервативного» индустриалиста. Бросил дискуссии. Бесплезно. Будем ждать, когда появятся, наконец, классовые анархисты-массовики.

Не знаю, как в других странах, но в Аме-

рике, действительно, не мешало бы выяснить — кто же такие анархисты и что же такое анархизм? — Тема, на которую я неоднократно писал.

Живя в Америке со времен сильной революционной эмиграции 1906-1908 годов, мне пришлось столкнуться и завести знакомство среди русских выходцев всех революционных оттенков. За эти долгие годы произошло много перемещений. Большевики стали меньшевиками, меньшевики большевиками; анархисты социалистами, социалисты анархистами; церковники атеистами, атеисты религиозными, радикалы шовинистами и т. д. и т. п. Но самое интересное это то, что многие остаются социалистами и анархистами по старой памяти, по привычке.

Многие из моих знакомых, даже друзей, в особенности из русских и еврейских революционеров, благодаря трудолюбию, упорству, экономии и т. д. «вышли в люди», попросту, стали эксплуататорами. Хоть убейте их, но они не желают согласиться, что они уже не анархисты.

Происходит это от без классовости или вне классовости их «анархизма». Став на классовую точку зрения, этих анархистов «по старой памяти» легко выбросить за борт революционного движения. Пример: объявляется забастовка, рабочие фабрики «товарища» анархиста выходят на забастовку сочувствия. По контракту же товар должен быть изготовлен к определенному сроку — иначе разорение. Каким голосом запоем наш «товарищ» анархист? Согласится ли он, во имя анархического идеала, разориться или найдет скебоз? По договору между предпринимателями он вынужден следовать черному листу, жертвовать на анти-рабочие организации и т. д., — иначе бойкот, лишение кредита, т. е. разорение. Вообще, в представлении как то не вяжется революционер-эксплоататор.

Большой процент русских эмигрантов-революционеров занимается в Америке педлерством. Труд тяжелый, может быть даже полезный, но ожидать от педлеров классового мышления не приходится. Психология их так меняется, что часто удивляешься, как это быстро происходит под влиянием вне классовости.

Да не подумает читатель, что только анархисты «выходят в люди». У нас, здесь, и коммунисты преимущественно из третьего сословия. Среди северо-американских индустриалистов существует уверенность, что все коммунисты и анархисты предпри-

ниматели, большие и малые. Пример: в помещении И. Р. М. происходит дискуссия на разные темы. Я рассказываю о моих дебатах с коммунистом рабочим о государственстве. Все смотрят на меня с иронической улыбкой, затем меня останавливают и замечают: «Ври, да не завирайся. Коммунист-рабочий! Откуда такой?..»

Вообще наша русская эмиграция (мы здесь все время говорим о русских эмигрантах в Америке) богата типами. Большевик-фабрикант набирает на свою фабрику белогвардейцев. На вопрос — почему он покровительствует белой гвардии? он отвечает, что чувство человеколюбия побуждает его к этому, должны же де и белогвардейцы жрать чтонибудь... В действительности же он их нанимает гораздо дешевле рыночной цены. Он горой стоит за революцию,... выбросившую на рынок массу рабочих. Видный большевик, горой стоящий за советскую власть, — директор банка, real estate man и т. д.

Зачем, спросите вы, я пишу о большевиках? А вот зачем. В противовес анархистам-антиклассовикам, коммунисты признают классовую борьбу, социальную революцию. Но они ее признают только в теории, на практике же коммунисты так же внеклассовы, как и анархисты. Если бы массовики коммунисты имели достаточно смелости и желания пойти по прямой линии классовой борьбы, то невозможна была бы диктатура партии, ибо партия не класс. Классовая борьба может привести к единственной, выражаясь по бедности нашего языка и терминологии, «диктатуре», к власти советов крестьянских и рабочих депутатов, т. е. пролетариата деревни и города. А между властью советов и властью партии большая разница.

Индустриалистов обвиняют в том, что они анти-интеллигенты. Да, мы таковы, поскольку интеллигенция является вне классовой. Вне классовой интеллигенции нам ненужно, нам ненужно отвлеченных философов, нам ненужно «руководителей» рабочего класса, идолов и богов. Мы убеждены, что освобождение рабочего класса есть дело самих рабочих, что между клас-

сом предпринимателей и классом рабочих нет ничего общего и, кладя в основу классовую борьбу, мы логически приходим к необходимости единения **рабочего** класса. Поэтому всякие «революционеры по старой памяти» — вон из наших рядов. Если ты по своему положению уже вне нашего класса, ты можешь оставаться сочувствующим, если тебе это нравится, но красную книжку больше не носи.

Мы согласны выслушивать добрые советы знатоков рабочего революционного движения, пролетариев-интеллигентов; мы черпаем знания от писателей революционеров всех оттенков, от лекторов и т. д., но когда дело касается решения судьбы нашего класса, решения вопросов классовой борьбы, то мы это сделаем сами. Всякий рабочий: землекоп ли, инженер ли, печатник ли и т. д., может влиять на движение, войдя в соответственный индустриальный союз. Есть место для всех: и для учителей и для газетных сотрудников и для инженеров (рабочих, но не предпринимателей).

Советы, построенные по схеме Индустриальных Рабочих Мира, по существу своему классовые, исключительно трудовые, а потому и не могут быть диктаторскими. И. Р. М. не являются партией и не стремятся к власти над рабочими. И. Р. М. являются боевой организацией меньшинства революционного рабочего класса, воспитателем рабочего класса, его авангардом в классовой борьбе за освобождение.

После победы, на второй день после социальной революции, И. Р. М. превращаются в советы, в полном смысле этого слова, и тем исполняют свою историческую миссию. Логически мы должны придти к этому, а придти к этому мы можем только через классовую борьбу.

Если бы рабочие массы рассматривали себя, прежде всего, как рабочих, организовались бы, как рабочие и вели бы борьбу, как рабочие, то ни чекисты большевики, ни социалисты-компромисники, ни расплывчатые анархисты не были бы страшны.

Я. Сибирский.

ИСТОРИЧЕСКИЙ ОТДЕЛ

Позиции анархистов в русской революции

(БРАТКИЙ ОЧЕРК).

Анархо-синдикалисты от начала 1918 года до их разгрома.

Изложенная выше позиция анархо-синдикалистов относится к концу 1917 и к началу 1918 годов. Наша задача — проследить позицию анархо-синдикалистов, по затронутым вопросам, вплоть до их разгрома и высылки некоторых из них за границу.

Летом 1918 года анархо-синдикалисты на публичном митинге в гор. Туле, организованном для приехавших из Москвы членов Московской Федерации Крупенина и Ковалевича, самым решительным образом выступили против оппортунистического лозунга „Анархия“—„единный революционный фронт“, который тянулся от анархистов до правых социалистов.

Осенью этого же года анархо-синдикалисты приступили к изданию еженедельной газеты „Вольный Голос Труда“, которая была запрещена большевиками на четвертом номере „за провокационно-антисоветское направление, без права выхода под каким бы то ни было названием, впредь до торжества социализма в России“.

Почти одновременно с выходом первого номера „Вольного Голоса Труда“ состоялась первая Всероссийская Конференция анархо-синдикалистов, а три месяца спустя состоялась вторая. Резолюция этих конференций послужат нам материалом для установления позиции анархо-синдикалистов в 1918 году. Резолюции эти изданы брошюрой под названием: „Вместо программы“, которую не в меру ретивые наши противники называют „зубатым хламом“ и по „высокопринципиальным“ соображениям отказываются распространять, считая ее, по видимому, более вредной, чем нравственно-хулиганская книга черносотенного философа Бердяева: „Философия неравенства“, которая не только охотно продается, но идеи которой контрбандой проводились в „Волге“ Дельтой, например, в статье „Россия и большевизм“. Но... *Chacun a son gout* — у всякого свой вкус, говорят французы...

Впервые в анархическом движении большевизм был официально определен как „красная контр-революция“ на первой конференции анархо-синдикалистов.

В резолюции о текущем моменте мы читаем:

„Принимая во внимание, что она (т. е. революция—Г. М.) в данный момент находится под тройным ударом контр-революции: иностранной буржуазии, внутренней контр-революции и господствующей ныне партии, ставшей контр-революционной после заключения Врестского мира и измены пролетариату и крестьянству Польши, Литвы, Украины, Финляндии и др., Первая Всероссийская Конференция анархо-синдикалистов считает необходимым в спешном порядке организовать свои си-

лы для борьбы с врагами революции и рабочего класса, для ее дальнейшего углубления и продолжения.

С этой целью анархо-синдик. Конференция рекомендует товарищам, в данный момент, проводить в жизнь и внедрять в сознание рабочих масс необходимость борьбы:

... 5. Против черной контр-революции, против чехословаков и пр. наймитов мирового империализма, не забывая, что бывшая архивеологическая партия большевиков сделалась партией застоя и реакции“. („Вместо программы“, стр. 11; курсив мой).

Нельзя сказать, чтобы наш анализ момента и оценка большевистской партии и ее роли в революции были ошибочны. Прошедшие после этого годы дают нам право сказать, что мы не ошиблись.

Эта резолюция через два года оказала некоторое влияние на установление отношений немецких анархо-синдикалистов к большевизму, она почти целиком цитируется тов. Р. Роккером в его брошюре „Банкротство большевизма“.

Что касается советов, то и в этом вопросе анархо-синдикалисты заняли вполне определенную позицию, которая почти ничем принципиально не отличается от позиции 1917 года.

Резолюция конференции о советах гласит:

„Принимая во внимание:

.... 3. что диктатура большевиков над советами и рабочими организациями толкает рабочих вправо, к учредительному собранию, мы, анархо-синдикалисты, заявляем:

.... 6. мы за советы, постановления которых могут быть приняты только после обсуждения их избирателями на местах. Поэтому конференция анархо-синдикалистов рекомендует тов. входить в местные советы, стоящие вдали от всевозможных партийных Ц. К., П. К., М. К. и т. д., если в них можно еще вести свободную теоретическую работу.“ („Вместо программы“, стр. 12; курсив мой).

Вторая и последняя конференция анархо-синдикалистов, состоявшаяся в ноябре 1918 г., не внесла существенных изменений ни в оценку большевиков, ни в тактику, ни в отношении анархо-синдикалистов к большевикам. Она только закрепила и еще больше углубила резолюции Первой Конференции. Так, например, в резолюции о текущем моменте вновь подтверждена точка зрения на большевистскую партию, как партию реакции.

Вторая Конференция констатировала, что

„На внутреннем фронте имеется: ... 2) чисто военная опасность со стороны организованной контр-революции, приостановка процесса оальной ре-

волюции, вызванная (и в значительной степени развитие контр-революции), укреплением и последующей деятельностью политической партии государственнически-властительского социализма (большевиком)". („Вместо программы" стр. 20).

Выходивший между первой и второй конференциями орган анархо-синдикалистов „Вольный Голос Труда" подвергал большевиков такой ожесточенной критике, что, начиная со второго номера, его распространение было запрещено по всей Северной Коммуне, вотине Григория Зиновьева, а на четвертом номере, как мы уже сказали, газета совсем была запрещена. После этого анархо-синдикалисты остались без печатного органа.

Третья Конференция анархо-синдикалистов не состоялась и мы не имеем официальных документов для характеристики позиции анархо-синдикалистов в 1919 году.

Полуофициальным документом можно считать мою статью в №3 „Московского Набата" — органе Московского союза рабочих анархистов „Набат" — „Основные задачи анархо-синдикализма".

Эту статью можно считать полуофициальным документом на том основании, что она была написана в качестве декларации для проектировавшегося объединения анархо-синдикалистов из „Вольного Голоса Труда" с анархо-коммунистами из газеты „Анархия".

Декларация эта была обсуждена на общих объединительных собраниях и была принята с некоторыми поправками. Однако ей не суждено было стать декларацией, так как анархо-синдикалисты, не столько по причинам принципиальным, идеологическим и тактическим, сколько по мотивам морального характера, отказались от объединения. В новую организацию, известную под названием Московского Союза анархистов-коммунистов-синдикалистов, (из которого потом вышли анархо-универсалисты, интер-индивидуалисты и анархо-космисты), от анархо-синдикалистов персонально вошли только двое — Павлов и Маркус. На основании сказанного мы не можем считать эту организацию синдикалистской, как это делает г. Яковлев в своей брошюре: „Анархисты в великой русской революции". Газета этой организации „Труд и Воля" далеко не всегда выражала позиции а.с., выработанные двумя всероссийскими конференциями. Мы в праве не касаться этой организации и оставим ее в стороне, как организацию промежуточную и принципиально не всегда устойчивую.

Для характеристики позиции анархо-синдикалистов в 1919 г., мне приходится воспользоваться своей статьей-декларацией, о которой упоминалось выше.

Нас в данном случае интересует не положительная сторона программы анархо-синдикалистов, а критическая ее часть и отношение к окружающей социальной обстановке.

Прежде всего коснемся вопроса об отношении к государственности и к государственному социализму.

Государственный социализм для анархо-синдикалистов, в отличие от анархо-коммунистов из В. Ф. А.-К. или анархистов из Универсала, прежде всего — явление антиреволюционное и творчески бесплодное по существу.

„Экономическая смерть страны, читаем мы в моей статье-декларации, полное банкротство, к которому привели Россию сперва аристократия и бур-

жуазия, а затем полубуржуазный и „революционный" социализм, противореволюционные и творчески бесплодные по существу, окончательно погрузили страну в холод, голод, рабство и невежество".

С точки зрения анархо-синдикалистов,

„такое положение дел есть логический результат, вытекающий из самой сущности государственности..."

Что означает, что, независимо от формы и характера государственности, ее результаты и последствия всегда и везде одинаковы.

Творческое бессилие и бесплодие государственного социализма анархо-синдикалисты выводили из опыта октябрьской революции.

„Октябрьская революция, поставившая во главе государственного кормила „революционную" социальную демократию, с поразительной ясностью обнаружила творческое бессилие и бесплодие не только буржуазии, но и приверженцев государственного социализма и самого государственного социализма".

Позиция анархо-синдикалистов по отношению к партиям и диктатуре ничем не отличается от выше охарактеризованной позиции по отношению к государственному социализму.

„Для всех теперь ясно, что никакая партия — буржуазная или социалистическая, никакая диктатура не могут справиться с задачей устройства новой жизни на новых коммунистических, экономически-равных началах, как по внутреннему бесплодию, так и потому, что они по природе враждебны делу всестороннего освобождения, враждебны революции: они противореволюционны по существу".

Для анархо-синдикалистов советская государственность является искусственной и уродливой формой государственности, содержанием которой является реакционный Марксо-Бисмарковский идеал.

„Революция безгосударственная по своей природе пошла по пути замены государства организованной общественностью. Искусственная и уродливая форма государственности, Советское государство, явилось не в результате логического развития революции, а в результате усталости рабочих масс, их ослабленного внимания, чем воспользовались последователи Бланкистско-Марксистско-Бисмарковского учения: они заменили народный идеал нашей революции, советскую организацию общества, идеалом немецко-реакционным, Марксистско-Бисмарковским — советской (по форме) государственностью. Советская государственность, как всякая государственность, неминуемо вырождается в деспотизм и бюрократизм, сильна только своей механической силой, усталостью, инертностью и косностью народной".

Из всего сказанного, ясно, должно вытекать отрицательное отношение анархо-синдикалистов ко всякого рода деятельности государства.

„Государство — постоянный враг трудящихся масс; пролетариат должен вести с ним постоянную и ожесточенную войну независимо от форм и рода деятельности его. Как раньше пролетариат боролся против государства-притеснителя, угнетателя, так

и теперь он должен бороться против государства-благодетеля...

Из вышеназванного могло вытекать только следующее логическое заключение статьи-декларации, определяющее с полной ясностью позицию анархо-синдикалистов в вопросах внутренней и внешней политики.

„В тесной связи с анархо-синдикалистско-коммунистическим пониманием революции и ее задач находится и наша позиция в вопросах внутренней и внешней политики.

Анархо-синдикалисты, как до свержения самодержавия и буржуазии, так и теперь, твердо помнят, что „главный враг трудящихся в собственной стране“ и, что лозунг гражданского мира — измена классовой позиции и равносильна капитуляции перед контр-революцией того или другого цвета.

Анархо-синдикалисты уверены в том, что только продолжение, расширение и углубление русской революции через уничтожение диктатуры отдельных лиц и партий, через уничтожение и замену существующего социал-бюрократического строя полным самоуправлением трудящихся в форме федерации волевых советов, через полную экспроприацию государства и передачу всех отраслей производства в ведение соответствующих рабочих организаций, через децентрализацию в области производства и промышленности и полное самоуправление первичных производственных организаций, через свободу революционной печати и также через реализацию и других элементарных гражданских свобод, через уничтожение суда, произвола и смертной казни, через уничтожение армии, заменяемой организацией всеобщего вооружения рабочих и крестьян, при посредстве их классовых организаций, можно вывести нашу революцию из губительного тупика и создать условия для такого же углубления революции в славяно-германских странах, и создать условия благоприятные для активного выступления пролетариата Франции, Италии и Англии, ибо, нужно помнить, окончательное торжество нашей революции есть необходимая предпосылка всемирной революции, успех же нашей революции может быть обеспечен только всемирной революцией“.

Такова позиция анархо-синдикалистов в 1919 году.

Теперь перейдем к выяснению позиции анархо-синдикалистов в 1920 и 1921 годах. Активным носителем анархо-синдикализма в эти годы было *Временное Исполнительное Бюро Российской Конфедерации Анархо-Синдикалистов*. К анализу документов этого Бюро мы и приступим.

Позиция Исполнительного Бюро Р. К. А.-С. была выражена главным образом в его циркулярных письмах, рассылавшихся по группам; она довольно отчетливо выступает и в резолюциях и докладах, которые представляли и делали члены Исполнительного Бюро на так называемой московской конференции (точнее — совещании), происходившей в январе 1921 года. Не менее, а пожалуй более, ярко позиция анархо-синдикалистов выявляется в резолюциях фракции „Федералистов“ 2-го Всероссийского съезда пищиков, происходившего в начале 1920 года в Москве, а также в моем проекте программы, ныне опубликованном мною в „Голосе Труженика“ под на-

званием „Вели“. К сожалению мы лишены возможности широко цитировать наши циркулярные письма, наши резолюции и доклады на московском совещании, так как все эти материалы в настоящее время находятся в руках В. Ч. К., захватившей, при моем аресте, весь архив и все делопроизводство Исполнительного Бюро. Мы вынуждены, поэтому, воспользоваться только теми цитатами из них, которые приводятся г. Яковлевым в его вышеназванной брошюре.

В одном из циркулярных писем, направленном против сторонников работы в советских учреждениях, Исполнительное Бюро, оставаясь на принципиальных позициях 1-ой и 2-ой конференций, вполне последовательно и разумно писало:

„По меньшей мере было-бы глупо воображать, что своей работой в учреждениях можно оказывать такое влияние, что они, в результате этой работы, сделаются целиком или приблизятся к анархическим. Реформизм — иллюзия, чепуха, вздор. Необходимо бить по системе в целом. Поэтому на работу в советских учреждениях нужно смотреть, не как на идейную работу, а просто, как на работу у капиталиста, как на работу из-за куска хлеба, как на заработок, — и только“. (Циркул. письмо № 6, см. брош. Яковлева).

Ко времени написания этого письма относится 2-ой Всероссийский съезд пищиков. Резолюция по текущему моменту, предложенная на этом съезде анархо-синдикалистами, с исчерпывающей ясностью определяет их позицию и их непримиримость к большевикам и большевистскому „Советскому государству“, о котором, на том же самом съезде, в тезисах (§ 2) „О задачах производственных союзов“, мною было сказано следующее:

„Всякое государство, буржуазное или социалистическое, безразлично — жандарм, охраняющий капиталистический строй при господстве буржуазии, государственный — при социализме; оно всегда стояло на страже интересов хозяев, всегда склоняло чашу весов в пользу хозяина. Это его призвание, смысл его существования. Советское государство отличается от других форм государственных тем, что совмещает в себе и жандарма и хозяина. Оно породило новый класс, ныне властвующий, диктаторствующий — класс организаторов, руководителей, управителей, одним словом, властвующих, количественно не больший класса буржуазии. Хотя этот класс и вышел из недр пролетариата недавно, но уже успел приобрести специфические интересы, ему свойственные, враждебные пролетариату. Социалистическое государство классы уничтожить не может, оно уничтожает старые классы: буржуазию и пролетариат, заменяя их новыми: властвующими и подвластными, управляющими и управляемыми, господами и рабами. Меняется форма, сущность, рабство, остается. Государство, даже благодетель, — враг пролетариата...“ („Вместо программы“, стр. 30).

К концу описываемого года относится написание „Проекта программы“, который г-н Яковлев широко использует в своей брошюре. Но этот проект не только не был разослан по группам, как утверждает г-н Яковлев, но он даже не был обсужден в Исполнительном

Бюро, так как этому мешал арест. Поэтому „Проект программы“ выражает только мои личные взгляды, на этом основании я оставляю его в стороне, отсылая интересующихся к брошюре Г. Яковлева, где имеются кое-какие выдержки из него или к „Голосу Труженика, где „Проект программы“ напечатан полностью, с незначительными изменениями под названием „Вехи“, (введение написано позже).

Последними официальными документами, относящимися к началу 1921 г., которые могут характеризовать позицию анархо-синдикалистов, являющиеся наброски докладов и резолюций, с которыми члены Исполнительного Бюро выступали на московском совещании. Все эти документы находятся в В. Ч. К., их широко использовал Г. Яковлев в своей брошюре, поэтому его брошюра в настоящее время является единственным источником, дающим возможность в главных и основных чертах ознакомиться с указанными документами. Для характеристики позиции анархо-синдикалистов начала 1921 г. мы и воспользуемся брошюрой Г. Яковлева, беря из нее некоторые цитаты из указанных документов.

Г-н Яковлев не совсем прав, когда говорит в своей брошюре о позиции московского совещания, ибо то, что он цитирует — есть характеристика позиции не всего совещания, а только характеристика позиции членов Исполнительного Бюро, которое, правда, имело большинство, но рыхлое, совещания на своей стороне.

Г-н Яковлев пишет:

„Это совещание (т. е. не совещание в целом, а лишь его члены, принадлежащие к Исполнительному Бюро и сторонники последнего—Г. М.) признает необходимость подготовки революции против советской власти, признает всеобщую стачку орудием борьбы с рабочей властью, признает советский режим в условиях диктатуры полицейско-карательных аппаратов“.

К этому еще нужно прибавить: „и стоит на точке зрения категорического отрицания Коминтерна“. После такого добавления позиция анархо-синдикалистов обрисована правильно. Еще один штрих, который подчеркнет и сделает более яркой занятую анархо-синдикалистами позицию и который покажет, что анархо-синдикалисты, как вначале, так и в конце революции вели борьбу не только против явных врагов, но и против т.г. оппортунистов в своем собственном лагере. Определенное указание на это мы находим в последнем циркулярном письме Исполнительного Бюро, посвященном созыву всероссийского съезда, дату которого Бюро определяло на 25 апреля 1921 г. В этом письме Бюро, в интересах размежевания от оппортунистов и реформистов в анархизме, — под какими оно разумело Карелина с двумя всероссийскими федерациями, Павлова, именовавшего себя в критические минуты синдикалистом и универсалистом, которые признавали работу в Советах и выставляли свои кандидатуры на выборах в Совет (Солонович, Бармаш, Аскаров, Павлов и др.), — писало следующее: на съезд закрыт доступ анархистам,

„стоящим на платформе вхождения в руководящие органы советской власти“ (см. у Яковлева). *

Такова позиция анархо-синдикалистов по их официальным документам. Теперь, чтобы придать характеристике позиции анархо-синдикалистов окончательный

вид и затем перейти к главе, описывающей позицию а.-с. в вопросе информации заграницы о России, мы считаем чрезвычайно важным ознакомить читателя, (как мы сделали это по отношению к анархо-коммунистам) с характеристикой позиции анархо-синдикалистов, сделанной их врагами, после ареста Временного Исполнительного Бюро Р. К. А.-С. Речь идет о циркулярном письме Центрального Комитета Российской Коммунистической Партии, специально посвященном анархизму.*)

Дав характеристику анархо-коммунистам, которую мы привели выше, и анархистам универсалистам, циркулярное письмо переходит к характеристике позиции анархо-синдикалистов, о которой мы читаем следующее:

„Среди всех этих группировок наибольшего внимания заслуживает *Российская Конфедерация Анархо-Синдикалистов*.

Численно небольшая, она вела, главным образом, до последнего времени подготовительную, организационную работу. Эта группа выпустила ряд обращений о работе в Красной Армии, где рекомендует своим членам вести энергично, но осторожно организационную пропаганду в Красной Армии, рекомендуя организовывать боевые ячейки в каждой боевой единице открыто или тайно, в зависимости от условий места, доказывая, что Красная Армия, как таковая, побеждать врага не может и тем самым разлагая Красную Армию, рекомендует своим членам захватывать в свои руки культурно-просветительные красно-армейские аппараты, использовать их для пропаганды и распространения анархической литературы, принимать активное участие в красно-армейской борьбе за повседневные интересы, вести борьбу за улучшение солдатского быта, использовывая всякие предлоги для пропаганды. Точно так-же Конфедерация анархистов-синдикалистов рекомендует своим членам захватывать отделы народного образования и культурно-просветительные общества вообще. Такие попытки фактически отмечены в отдельных губерниях, как например, в Пермской. Главным образом, организация рекомендует своим членам овладевать внешкольными отделами народного образования, захватывая инструкторский отдел для того, чтобы, путем кадра раз'ездных инструкторов развить и связать организацию в общегубернском и даже общероссийском масштабе. Группа обращает внимание так-же и на работу среди молодежи, и здесь опыт последнего времени указывает, в особенности на Украине, что Р. К. С. М. очень часто становится центром, куда направляется работа анархистов синдикалистов. Разногласия последнего времени в среде организации Р. К. С. М. в значительной степени вызваны проникновением в союз элементов анархисто-синдикалистских.

Группа прямо указывает: „на союз коммунистической молодежи, между прочим, следует обратить

*) „Р. К. П. и мелко-буржуазные группировки. Об анархистах“. (См. „Вестник Агитации и Пропанданды“, орган Ц. К. Р. П., № 11-12, 25 мая 1921 г. Москва). Это письмо напечатано с комментариями т. Ярчука в американском „Буревестнике“.

серьезное внимание и не обходить его в своей работе, тем более, что, как показал последний съезд коммунистической молодежи, в нем имеются довольно много анархистствующих элементов. Необходимо к этому союзу стать возможно ближе". Из идей, которые в особенности следует отметить в их пропаганде среди учащейся молодежи, это идея отделения школы от государства. Работа в этой области дала определенные результаты и в ряде местных союзов (Псков, Уфа и др.) Эта работа выливается в форму оппозиции, по своему характеру значительно напоминающей бывшую группу „рабочей оппозиции“ Р. К. П.

Точно так же Конфедерация анархистов-синдикалистов помогает правым с.-р. в организации беспартийного крестьянского союза.*)

В этой работе они рекомендуют „искать помощи особенно в учителях, быть сугубо осторожным, зря, на ветер не бросать ни одного слова“. Затем Конфедерация обращалась с воззванием ко всем организациям, призывая их организовать всероссийский съезд, высказывая уверенность, что никаких разногласий у них ни с одной группой не окажется. А между тем одна из групп, к которой направлено было обращение Конфедерации анархистов-синдикалистов, именно группа „Украинского Набата“, известна, как самая активная анархистско-маховская группа.

Наконец, группа постановила „революционной борьбой с коммунистами не прекращать, от всеобщей стачки не отказываться, даже в применении к советской власти, советы признать, но вольные,

возможные лишь вне диктатуры. Отношение к Коминтерну резко отрицательное, никаких договоров с советской властью не заключать“ и т. д.

Обращаем внимание на деятельность этой организации, как наиболее разлагающей, использующей всех колеблющихся членов нашей собственной организации с целью привлечь их в свои собственные ряды и, в случае хотя бы временного успеха контр-революции, несомненно, способной играть активную роль“.

После всего сказанного позиция анархо-синдикалистов в русской революции, от 1917 г. по 1921 г. включительно, ясна и не требует никаких дополнений и разъяснений. Следовательно, все те обвинения, вернее небыллицы, которые возводятся на анархо-синдикалистов, не имеют абсолютно никакой почвы под ногами. Из сказанного ясно, что только анархо-синдикализм удержался в русской революции на своих принципиальных позициях, только он один высоко нес знамя анархизма. И анархо-синдикалисты, работавшие в русской революции, с презрением могут отвергнуть все возводимые на них нелепые обвинения и открыто заявить: „мы честно выполнили свой революционный долг, наша совесть чиста“. Никакая грязь к анархо-синдикалистам не пристанет. Их можно ненавидеть, но не уважать нельзя.

Г. Максимов.

P. S. Вопрос об отношении анархо-синдикалистов, на протяжении всей революции, к правильной информации Западной Европы о большевиках и русской революции мы разберем, если будет надобность, в следующий раз.

Хроника международного рабочего движения

РАЗВИТИЕ МЕЖДУНАРОДНОГО ТОВАРИЩЕСТВА РАБОЧИХ И ЕГО ЦЕЛИ

ЛЕВОЕ крыло международного рабочего движения, в особенности революционные синдикалистские организации всех стран, старалось вновь завязать международные связи, прерванные было войной. Представители синдикалистских организаций явились на первый международный съезд профессиональных союзов, который имел место в Амстердаме в 1919 году, когда и был учрежден Амстердамский Интернационал профсоюзов. Скоро стало ясно, что с социал-патриотами, которые только что еще упражнялись усердно в военно-патристической музыке, нельзя придти к соглаше-

нию. С одной стороны, Амстердамский Интернационал закрыл двери перед революционными синдикалистами тем, что принял статуты, согласно которым каждая страна могла быть представлена в интернационале одной лишь организацией, тогда как революционное крыло организованного рабочего класса давно уже отошло от реформистов и в некоторых странах уже десятки лет имело свои самостоятельные организации. Амстердамский Интернационал поставил, таким образом, перед революционными синдикалистами заносчивое требование, чтоб они распустили свои организации, бывшие исклчительно носительницами идеи классовой борьбы. И, так как это требование не могло быть исполнено, стала, следовательно, невозможной всякая связь с реформистскими рабочими организациями.

С другой стороны, вполне понятно, что в русской революции революционные синдикалисты увидели нечто такое, с чем свя-

*) Это, конечно, обычная коммунистическая ложь. Конфедерация не только не помогала правым с.-р., но даже не помогала и левым с.-р. и максималистам; Конфедерация пыталась самостоятельно организовать крестьянство при помощи раз'ездивших инструкторов внешкольных отделов народного образования и сельских учителей.

заться им было желательно. Когда Коммунистический Интернационал обратился к всемирному революционному пролетариату, в особенности к революционным синдикалистам, с призывом явиться в Москву на его 2-ой конгресс (1920 г.), то на этот призыв откликнулись многие. Испанские, итальянские и немецкие синдикалисты послали своих представителей. Кроме этих независимых революционных синдикалистских организаций были представлены революционные меньшинства реформистских профессиональных организаций Франции, Германии и Англии. Кроме того, там были официальные представители реформистских профессиональных союзов Италии, рабочая делегация Англии и некоторые члены И. Р. М. северной Америки, не имевшие никакого полномочия от своей организации и оказавшиеся в Москве по некоторым посторонним причинам: с целью посещения или как бежавшие из лап американской юстиции.

Русские профсоюзы, не принадлежавшие до тех пор ни к какому проф. интернационалу, воспользовались присутствием представителей различных рабочих организаций для того, чтобы посоветоваться о возможности создания «Красного Профинтерна». Первый толчок к этому дал Коминтерн, вернее, Российская Компартия, т. е. Ленин и его кружок. Соповещения по этому вопросу разочаровали представителей синдикалистского течения. Стало ясно, что существуют разногласия между русскими профсоюзами и синдикалистами. Но синдикалисты все же не хотели сразу сжечь все мосты между собой и русскими профсоюзами. Синдикалисты Германии и Голландии создали в Берлине предварительную конференцию революционных синдикалистов для совместного обсуждения некоторых вопросов. На этой конференции (Берлин, декабрь 1920 г.) были представители Свободного Рабочего Союза Германии (F. A. U. D.), Рабочего Секретариата Голландии (N. A. S.), синдикалистской организации шведских рабочих, норвежской синдикалистской организации, французского Комитета Защиты Синдикализма, федерации доковых рабочих и батраков Аргентины и Индустриальных Рабочих Мира (I. W. W.) Америки. На этой конференции была выработана платформа, основами которой являются бескомпромиссное признание классовой борьбы и власти рабочего класса, отрицание духовного и экономического режима капитализма, государства и стремление к свободному коммунистическому обществу.

Орудием борьбы было признано прямое революционное действие, а экономические

организации пролетариата были признаны авторитетными в деле производства и распределения. Было подчеркнуто, что революционный рабочий интернационал должен быть в полной независимости от какой бы то ни было политической партии, но — в случае необходимости — он может выступать с другими рабочими организациями и партиями совместно для определенных целей. Затем было решено обратиться ко всем революционным синдикалистским и индустриалистским организациям с призывом посылать делегатов на конгресс, созываемый Временным Исполнительным Бюро Профинтерна в Москве (1921 г.), для того, чтобы создать там интернационал, охватывающий революционных рабочих всего мира.

Московский конгресс происходил летом 1921 года. Большинство революционных синдикалистских организаций было там представлено. Но русские профсоюзы не могли найти общего языка с револ. синдикалистами других стран, ибо русские рассматривали компартию в качестве естественного вождя, которому профдвижение должно подчиняться. Синдикалисты же были того мнения, что экономические организации рабочих являются носителями идей классовой борьбы и создания коммунистического общества, поэтому они отрицали необходимость главенства и руководства компартии. Так как русские профсоюзы сумели создать себе на этом конгрессе большинство, то синдикалисты оказались в оппозиции. Когда делегации вернулись в свои страны, получилось так, что все революционно-синдикалистские организации (за исключением Франции) отказались примкнуть к вновь созданному в Москве Профинтерну. Сейчас же после возвращения делегатов из Москвы, выявились большие разногласия с московским конгрессом. В связи со съездом немецких синдикалистов произошел обмен мнений между представителями Голландии, Германии, Швеции и Северной Америки (I. W. W.). Было решено созвать конференцию, которая и имела место в Берлине летом 1922-го года. На этой конференции были представлены революционно-синдикалистские организации следующих стран: Германии, Франции, Швеции, Норвегии, Италии, Голландии и революционно-синдикалистского меньшинства в русских профсоюзах. Дискуссии, имевшие место на этой конференции с официальным представителем Всероссийского Центрального Совета Профсоюзов, привели к разрыву между революционными синдикалистами и русскими профсоюзами, подчиненными диктатуре партии. Синдикалисты всех стран убеди-

лись теперь воочию, что с Москвой единение невозможно. Была принята декларация принципов, которая может считаться основой международного революционного синдикализма. Конференция выработала еще резолюцию, в которой указывалось, что ни основные принципы, ни статуты Профинтерна не дают ему возможности действительно объединить революционный пролетариат всех стран. На основании этого было решено учредить Временное Революционно-синдикалистское Бюро, которому поручался созыв всемирного съезда революционно-синдикалистских организаций.

Временное Бюро должно было довести все эти резолюции до сведения Профинтерна для того, чтобы дать возможность организациям, примыкающим к этому Интернационалу, участвовать в этом всемирном съезде и подготовить почву для создания интернационала всех революционно-синдикалистских рабочих организаций.

Первый международный съезд революционных синдикалистов имел место в Берлине (25 декабря 1922 г. — 2 января 1923 г.). Были представлены: Аргентина (Ф. О. Р. А.) И. Р. М. Чили, Союз Синдикалистской Пропаганды Дании, Свободный Рабочий Союз Германии, Всеобщий Рабочий Союз (единая организация), анархо-синдикалистская молодежь Германии, французский Комитет Защиты Синдикализма, Объединенная Федерация Строительных Рабочих Франции, Федерация Молодых Синдикалистов Франции, Унионе Синдикале Италиано, Рабочий Секретариат Голландии, мексиканская Всеобщая Рабочая Конфедерация, норвежская Синдикалистская Федерация, португальская Всеобщая Конфедерация Труда, Центральная Организация шведских рабочих и Национальная Конфедерация Труда Испании. Русские профсоюзы не были представлены на этом съезде. Не явились также представители тех организаций, которые за этот промежуток времени присоединились к Профинтерну.

Съезд подчеркнул в особой резолюции отказ русских профсоюзов и связанных с ними организаций других стран принимать участие в работах международного съезда революционных синдикалистов. Это раскольничье поведение вождей Профинтерна является неминуемым следствием антисиндикалистской политики Москвы, где активные деятели революционного синдикализма подвергались всяческим репрессиям. Так называемые революционные синдикалисты, примкнувшие к Красному Профинтерну, сами себя исключили из синдикалистского движения своих стран и стали агентами Москвы с определенным зада-

нием: подчинить синдикалистское движение всех стран компартиям.

Принимая все это во внимание, съезд подтвердил резолюцию конференции (июнь 1922 г.) и принял решение о создании революционного синдикалистского Интернационала под названием: **Международное Товарищество Рабочих (М. Т. Р.)**.

* * *

Скоро уже исполнится три года со дня создания М. Т. Р. Время, протекшее после 1-го съезда, было периодом организационного созидания. В течение следующего года подтвердились присоединения синдикалистских организаций к М. Т. Р. на съездах и путем референдумов. К М. Т. Р. принадлежат ныне большинство револ.-синдикалистских организаций, но все же есть много стран, где М. Т. Р. не удалось еще укрепиться. Первый период, после создания М. Т. Р., ушел целиком на пропаганду идей синдикализма в странах, где еще нет прочных синдикалистских организаций. И эта работа еще и поныне не доведена до конца. Как раз в некоторых странах, где современный капитализм наиболее развит, М. Т. Р. не имеет еще организаций. Это — Англия и Сев. Соед. Штаты Америки. Задачей революционных синдикалистов и является внедрение идей Международного Товарищества Рабочих среди тружеников этих стран.

Кроме этих чисто-агитационных задач перед М. Т. Р. стоят еще и другие цели, намеченные на 2-ом съезде М. Т. Р. в Амстердаме (март, 1925 г.). Исходя из основных положений революционного синдикализма, М. Т. Р. должно вести борьбу одновременно на хозяйственном и политическом фронтах. Не лишне отметить, что эти задачи выполняются другими интернационалами отдельно, так сказать, оторвано: политическая борьба ведется политическими интернационалами (Коминтерном и Социал. Интернационалом), а экономическая борьба — профсоюзными интернационалами (московским Красным Профинтерном или амстердамским Рабочим Интернационалом). Международное Товарищество Рабочих является синтезом этих двух методов борьбы и оно стремится к тому, чтобы вести борьбу против международной реакции международными же действиями. М. Т. Р. стремится к тому, чтобы развернуть в международном масштабе борьбу за более высокую заработную плату и за более короткий рабочий день. М. Т. Р. стремится к тому, чтобы поднять условия жизни и труда рабочих остальных стран до уровня наиболее передовых стран. Эта цель, конечно, не может быть достигнута при помо-

щи Международного Бюро Труда и путем сотрудничества с капиталистическими государствами (рецепты Амстердамского Интернационала), но лишь исключительно путем **революционной классовой борьбы** и **прямого действия** организованных рабочих.

В этом же духе принято на 2-ом съезде М. Т. Р. решение выставить, в качестве непосредственно-близкого требования, укорочение рабочего дня до **шести** часов и сопротивление всем попыткам, ведущим к удлинению рабочего дня. Одновременно должны быть связаны в интернациональном масштабе производственные федерации, ибо настоящая классовая борьба может быть успешно проведена лишь при помощи этих интернациональных производственных федераций.

Цели М. Т. Р. простираются гораздо дальше задач современного общества. Интернациональные производственные федерации должны выработать статистические

данные о добыче сырья и о продуктивности их производств в разных странах. Когда классовые битвы международного пролетариата против мирового капитализма и империализма примут решительный характер, тогда интернациональные производственные федерации займут место нынешних трестов и им придется заботиться об удовлетворении потребления всего человечества путем организации труда. Этот международный союз труда не должен быть никоим образом создан централистским способом сверху вниз. Основным положением является независимость каждого производственного союза (индустриального юниона), каждой производственной федерации, — местной и областной. Только таким образом сумеет Международное Товарищество Рабочих претворить в жизнь стремления мирового пролетариата и только таким образом можно обеспечить свободу и довольство для всех.

А. Зухи.

(Член секретариата М. Т. Р.)

ИСПАНИЯ

АНАРХО-СИНДИКАЛИСТСКОЕ ДВИЖЕНИЕ.

(Беглый очерк).

СКРОМНЫЕ размеры рабочего журнала*) не позволяют нам, к сожалению, дать широкий и детальный обзор анархо-синдикалистского движения Испании — движения весьма интересного и своеобразного. Мы поэтому вынуждены будем остановиться лишь на некоторых наиболее интересных деталях.

С самого начала появления в Испании классовой рабочей организации мы можем в ней (в Испании) различить две области, отличные по своему духу и направлению. В то самое время, как в Каталонии, Валенции и других индустриальных центрах Испании организованный пролетариат носил на себе довольно яркую анархическую печать, — в других городах, с точки зрения промышленности более отсталых, преобладало влияние реформистов. Тут сказывается влияние традиций секций Первого Интернационала, которые (в большинстве своем) последовали за анти-авторитарным крылом М. Т. Р., после раскола на конгрессе в Гааге (1872 г.). Лишь очень незначительная группа испанских рабочих подпадала под влияние Лафарга, бывшего в то время как бы чрезвычайным послом Маркса в Мадриде. Теоретические расхождения, которые некогда привели к расколу в Международном Товариществе Рабочих, продолжали исторически разделять испанский пролетариат на его две классические части: централистскую и федералистскую.

Таким образом, когда вспыхнула европейская война (1914—1918 г.г.), в Испании существовали две организации, боровшиеся за руководство в рабочих массах:

„Общий союз трудящихся“, под управлением социал-демократов, и „Национальная Конфедерация Труда“ (С. Н. Т.), где преобладало влияние анархистов. Реформистский „Общий Союз Трудящихся“ черпал свои резервы, не очень многочисленные, из умеренных и благонамеренных слоев пролетариата центра Испании. „Национальная Конфедерация Труда“ росла на счет более революционных и подвижных пролетарских слоев периферии (окружности), где уже давно пустили глубоко корни секции Международного Товарищества Рабочих.

Непосредственные последствия вспыхнувшей войны не преминули сказаться в экономической жизни Испании. Для промышленности Испании открылся емкий рынок, где предметы обрабатывающих индустрий (особенно текстильных и металлургических) нашли неслабый спрос. Это, в свою очередь, послужило толчком к развитию и усилению рабочих организаций, куда хлынуло, буквально, громадное количество членов. Вспыхнули многочисленные забастовки, в результате которых рабочие довольно легко одерживали „победы“. Работодатели оказывали весьма слабое сопротивление, ибо, будучи охвачены лишь одним желанием усилить производство насколько только возможно, они были уверены, что продукты найдут, без особого труда, сговорчивых и щедрых платящих покупателей.

Убедившись на деле в преимуществах организованности, пролетарские массы, недавно еще пассивные, хлынули в профсоюзы. Плодами этой профсоюзной „инфляции“ (набухание количеством новых членов) особенно широко воспользовалась Национальная Конфедерация Труда. Таким образом, в течение 1919-го года количество ее членов увеличилось, по сравнению с довоенным по-

*) Эта статья написана специально для „Голоса Труженника“.

доженим, больше чем в десять раз, достигнув почти одного миллиона. Между тем как реформистская рабочая организация, тоже увеличившая свои кадры, имела лишь одну пятую часть этого количества. Это была пора наивысшего количественного расцвета анархо-синдикалистского движения Испании.

Посмотрим теперь, что стало с этим движением, пострадавшим, главным образом, от правительственных преследований и от своих собственных ошибок.

**

Из вышесказанного ясно, что главной заботой ответственных работников и руководителей Национальной Конфедерации Труда должна была быть: — ассимиляция (переваривание) новых рабочих кадров в духе классового воспитания. Работа эта была необходима в первую очередь для того, чтобы дать действительное и полезное направление неясным стремлениям этих масс, которые, часто, лишь одного добивались: некоторых экономических завоеваний, добываемых в ежедневной борьбе, лишенной более широкой перспективы.

Нужно было пронести иным содержанием этот, чисто-утилитаристский, дух, которым были охвачены кадры рабочих, лишь только что вступивших в ряды бойцов. Новая нравственность, новые идеалы должны были им привиты. Задача трудная, но весьма плодотворная в смысле революционных достижений. Не было недостатка в материальных средствах, необходимых для этой работы. Кассы синдикатов (профсоюзов) наполнялись многотысячными членскими взносами. Синдикалистская „лихорадка“ охватывала все более и более широкие круги рабочих и даже крестьян. На пропаганду, серьезную, глубоко обдуманную и конструктивную (созидательного характера), с ясно определенными и приспособленными к реальной жизни целями, на такую пропаганду должны были быть брошены, главным образом, силы ответственных руководителей Национальной Конфедерации Труда. Но эта задача не была решена. Даже не было серьезных попыток ее решить...

Скоро спала стачечная волна, конфликты между трудом и капиталом приняли более затяжной характер. Правительственный террор, сперва проявлявшийся лишь в редких случаях, принял систематические и зверские формы.

Синдикаты были объявлены вне закона. На головы наиболее активных работников посыпался всякого рода преследования. Скоро их стали безжалостно убивать. Торжествующая реакция набросилась с диким бешенством на синдикализм, против которого все средства были хороши. Широкие массы быстро оставили ряды синдикалистских организаций. Неумолимая и ожесточенная война загорелась между силами реакции и основным ядром преданных и испытанных работников революционного рабочего движения. В ответ на организованный и официальный терроризм палачей, вспыхнул терроризм жертв, доведенных до отчаяния. Этот трагический период нам стоил многих тяжелых потерь. Больше пятисот лучших наших товарищей погибли. Для организации этот период оказался губительным с моральной и с материальной точки зрения.

Терроризм, вызванный к жизни неумолимыми обстоятельствами, как вынужденный ответ на бесчинства реакции, мало-по-малу потерял дух героического само-

пожертвования, столь характерный для него в первую эпоху его возникновения. На сцену трагического действительности появилась отвратительная физиономия наемного убийцы. Под мантией анархической терпимости пронырки в наше движение люди весьма сомнительной нравственности и темных побуждений. Они, конечно, дело, были горячими сторонниками терроризма. Скоро они — большей частью — перешли на службу правительства. Пользуясь широкой денежной поддержкой и защитой полиции, хорошо зная нашу среду, они устроили настоящую охоту на наших активных работников.

Другая же часть, мало-по-малу, опускалась по скользкой дорожке „равношазизма“, где погибло много хороших товарищей.

Теория индивидуальных экспроприаций нашла многих сторонников и „los atracos“ („эксы“) появились в порядке дня.

Эти развращающие уклоны и вырождение пролетарского наспия оказались губительными для организации и вызвали ряд глубоко-деморализующих последствий. Эти последствия сказались в тот сравнительно спокойный промежуток, который наступил после правительственного террора до военного переворота 13-го сентября 1923-го года (Примо де Ривера). Мелочи, раздоры и склоки мешали необходимому внутреннему единению.

И даже теперь, под ударами разбойничьего испанского фашизма, все еще продолжается, хотя и в меньшем размере, опустошения...

**

Гражданская реакция и солдатский сапог военной диктатуры почти уничтожили Национальную Конфедерацию Труда и ее основные ядра. Но моральное влияние Н. К. Т. на массы осталось и оно еще сейчас очень широко. Некоторое количество преданных товарищей все еще оказывает с изумительной выдержкой, хоть и спорядически, сопротивление реакции, не смотря на бесчеловечные жертвы и лишения.

Вопреки тяжелым испытаниям, неопровержимых пяти лет реакции, движущая сила революционного анархо-синдикализма Испании жива.

Какой выход возможен из диктаторского режима, под которым стоит Испания и, следовательно, какова будет судьба Национальной Конфедерации Труда в недалеком, на наш взгляд, будущем?

Мы должны учитывать две возможности: либо свержение диктатуры и монархии революционным движением, сторонники которого все усиливаются и которому придут на помощь обстоятельства, либо постепенное возвращение к режиму политических свобод, которые дадут рабочим организациям возможность легальной жизни и пропаганды.

Необходимо — в первом случае — предвидеть, что, не смотря на то, что анархо-синдикалистские элементы примут весьма активное участие в подготовке революционных событий, они не будут в состоянии сделать *своей* революции по причине своей неподготовленности и разброда, вызванных столько же правительственным террором, сколько и „внутренними болезнями“ — отсутствием хорошей пропаганды, терроризмом и „равношазизмом“. Можно все же быть вполне уверенным, что все наши усилия будут посвящены максимальному успеху и развитию революции.

Во втором случае, т. е. в том случае, когда в итоге революционного движения получится лишь республика, более или менее демократическая, — непосредственными и обязательными задачами Национальной Конфедерации Труда будут: пересоздать быстро профсоюзные (синдикальные) кадры, елико возможно совершенствуя их организационно; избежать повторения тех тактических приемов, во вреде которых мы на практике убедились; развернуть широкую пропаганду с определенными конкретными задачами и целями, отбросив всякие туманности; точно и ясно, без всяких компромиссов и неясностей, отчеканить свою теоретическую позицию по отношению ко всем политическим (красным или белым) партиям, провозгла-

шая невозможность для ее членов принадлежать к какой-нибудь из этих партий.

Эти задачи, осознанные, к счастью, многими нашими активными работниками, сумели бы быть разрешены при режиме относительной политической терпимости.

И мы убеждены в том, что это помогло бы оздоровлению Национальной Конфедерации Труда и вернуло бы ей ее прежний престиж; и вместо слепой силы ее масс в прошлом, мы бы обладали переваренными и перевоспитанными рабочими массами, способными стать могучим революционным орудием для великих положительных достижений.

В. Оробон Фернандес.

ГОЛЛАНДИЯ И НЕФТЯНАЯ ПОЛИТИКА

(Окончание).

Новый министр финансов Колин, — лидер контр-революционной партии, политической партии кальвинистов. Эта партия совместно с другими христианскими партиями формировала с 1918 г. голландское консервативное правительство, имевшее 60 мест, из ста, в парламенте.

Как лидер партии, он был также и редактором христианской газеты „Де Стандард“, кроме того, он является одним из лидеров нефтяных капиталистов в Голландии, он был одним из директоров Батавийского нефтяного товарищества. Это общество больше не существует, оно слось с английским обществом в другое под именем „Ройал Домт Сосаеит“. Теперь ясно, почему комиссия писала, что „наши соседи имеют право, чтобы мы построили флот“. Вы можете понять, почему всякий раз в христианском „Де Стандард“ писало: что „воля Бога: защита родины — обязанность каждого; что война — результат греха; что грех — вечен на земле; что война будет всегда и что долг христианина быть готовым к войне в защиту Бога, королевы и отечества“. Защищать свои грабежи именем Бога и библии издавна вошло в привычку у голландских колониальных капиталистов. Еще двести лет тому назад они писали, что испорченные и вредные расы в колониях были сотворены богом для того, чтобы над ними господствовали бедные.

Программа Колинга состояла из двух слов: экономия — флот. После этого, как он поднял косвенные налоги до невероятных размеров и понизил заработную плату, он представил законопроект о флоте, предлагая ассигновать на него 300—500 миллионов гульденов. Немедленно поднялась большая оппозиция против флота не только со стороны рабочих, но также и со стороны капиталистической партии, сторонники меньшинства комиссии, которая считала, что постройка флота ранее оздоровления бюджета, явится причиной инфляции и доведет стоимость флота до 700—800 миллионов.

Революционеры-антиимпериалисты начали большую кампанию против законопроекта о флоте. Было организовано большое число митингов, распространены памфлеты и в газетах по этому вопросу печатались много статей. Коммунисты и социалисты последовали их примеру. В одно из воскресеньев было организовано два митинга протеста против флота. На митинг приезжали со всех частей Голландии, поезда были переполнены народом, несшим свои революционные и антиимпериалистские пес-

ни. На митинге социалистов было до 90.000, а на митинге коммунистов, части голландских синдикалистов и анархистов — 10.000. Эта стотысячная демонстрация произошла в один день, в одном городе, в стране с 7 милл. жителей!

В тот же самый день, в Роттердаме, на митинге, устроенном анархистами и синдикалистами, присутствовало 1.500 человек. Они призвали ко всеобщей стачке, к отказу от воинской повинности и к отказу платить налоги. После митинга с.-д. партия организовала большую петицию, адресованную в парламент, прося его отказаться от законопроекта о флоте. На всех углах стояли с подписными листами мужчины и женщины, прося публику подписывать петицию. Несколько недель спустя петиция была подана в парламент за 1.130.000 подписями, что составляет 1/6 всего населения Голландии. Революционеры-антиимпериалисты и анархисты в своих газетах писали: „Теперь время сказать кое-что о флотском законопроекте. 1.130.000 взрослых мужчин и женщин высказались против флота. Но что они будут делать, если парламент игнорирует голоса народа и примет законопроект? Тогда нечего больше об этом говорить.“

Правительство будет действовать, оно совершит это преступление. Мужчины и женщины, высказавшиеся против этого, что вы сделаете тогда? Будете ли вы работать для флота, в качестве рабочих металлистов? Но тогда вы будете соучастниками этого преступления. Отдадите ли вы для флота свои тела и тела своих сынов и мужей? Но тогда правительство будет смеяться над вашими бумажными протестами. И будете ли вы продолжать уплачивать ваши налоги? Но тогда вы финансируете преступление и ваши протесты — пустые слова. Теперь необходимо начать борьбу против флота на заводах, в казармах и на полях. Необходимо положить предел преступлениям капиталистов, хотя бы они и были приняты парламентом“.

В парламенте правительство имеет большинство 60 против 40. Среди этих 60 тридцать католиков и между ними было 10 католиков-демократов, которые под давлением народного движения были против флота; итак, было возможно, что 50 было бы против, а 49 голосов за законопроект.

В виду этого правительство заявляло, что оно законопроект берет обратно, что и сделало. Социалисты пред-

ложили католикам-демократам и др. дем. элементам организовать правительство на базе экономики на милитаризме. Интересно видеть, как социалисты немедленно же изменили свою точку зрения на милитаризм; до сих пор они пропагандировали полное разоружение!

Но католики-демократы, которые в той же самой партии, в которой и католики-консерваторы, отказались и, спустя пять месяцев, когда оказалось невозможным составить другое правительство, королева попросила министров остаться на своих постах, что они и сделали. Они заявили, что они принимают отклонение их законопроекта, как факт, и что они постараются прежде всего угодить бюджет, а потом уже внесут новый законопроект о флоте.

Ясно, они приняли мнение только капиталистической оппозиции против этого закона, но не взгляды антимилитаристского народа.

Несмотря на это, социалисты заявили, что отказ от законопроекта о флоте был большой победой. Вместо продолжения борьбы против милитаризма они старались пробраться к власти, обещая сохранить милитаризм.

После всей этой истории, правительство, к большому удовольствию капиталистов из оппозиции против флота, в целях оздоровления бюджета, уменьшило заработную плату и увеличило налоги.

Рабочие протестовали против уменьшения заработной платы, против правительственной реакции — но без успеха. Они не видели тесной связи между милитаристской политикой правительства и его финансовой политикой. Они не видят, что борьба за заработную плату должна быть также и борьбой против милитаризма и государства, в противном случае борьба не может кончиться успешно.

До сих пор правительство выигрывает потому, что народ еще не организовался в реальную силу для действия. Но даже и теперь, несмотря на все это, правительство не имеет мужества еще раз внести законопроект о флоте.

Через несколько дней в Голландии должны состояться выборы, если власть останется за Колином и правыми партиями — а я думаю, что это, именно, так и будет — тогда законопроект о флоте будет внесен еще раз.

Анархисты и революционные антимилитаристы опять начнут пропаганду и борьбу против этого акта.

Но всякому грамотному ясно, что нефтяное правительство Голландии, совместно с другими правительствами, готовит нефтяную войну и только противояжные акты народа в казармах, во флоте, на фабриках и на полях могут предотвратить это чудовищное преступление.

Альберт Де-Понн.

ГЕРМАНИЯ

АМНИСТИЯ

В первые дни избрания генерала Гинденбурга президентом германской республики распространился слух об амнистии политическим заключенным. Рейхстагу (герм. парламенту) было трудно решиться на этот шаг, не было одинакового мнения на счет того, как широко должна быть эта амнистия. Правые партии хотели ограничиться амнистией для политических преступников справа, т. е., монархистов и плае с ними. Левые же партии хотели подарить амнистию и революционным рабочим, осужденным на многолетнее заключение за маловажные политические преступления. Понятное дело, что правительство, состоящее из представителей крупной буржуазии и помещиков, амнистировало почти только монархистов, часть которых уже была, благодаря удачным побегам, давно на свободе и теперь лишь стала вполне легальной. Из семи тысяч революционеров, томившихся в тюрьмах германской республики, освобождена лишь незначительная горсточка. Эта односторонняя амнистия еще и еще раз доказывает, что и в нынешней германской республике также безраздельно царствует классовая юстиция капитализма, как и при прежней монархии. Рабочие должны убедиться, что их борьба против власти буржуазии лишь теперь только начинается. Еще мощнее прежнего должен раздаваться среди пролетариата Германии клич: „Требуем освобождения политических заключенных!“

НАЛОГИ И ПОШЛИНЫ

Как известно, на последних выборах в рейхстаг победил представителю правых партий, получившие большинство благодаря тому, что партия центра (католики), вообще не имеющая прямой политической линии, стала на сторону правых. Несколько лет тому назад, когда Эрцбергер, убитый монархистами, стоял во главе пар-

тии центра, она, — вместе с немецкой социал-демократией, — выступала в защиту демократии. Даже после (в 1922 году) партия центра, руководимая государственным канцлером Виртом, была близка к левым партиям. Ныне же, с общим усилением реакции в стране, партия центра решительно и безоговорочно перешла в лагерь самой нескрытой реакции. С помощью и с благословения партии центра — (в рядах которой до сих пор еще находится огромное количество трудящихся) — были приняты проклятые новые законы, предложенных реакционным правительством. Законы эти сохраняют в силе налог на заработную плату: десять процентов заработной платы забирается государством в качестве налога. Если, например, рабочий зарабатывает в неделю тридцать марок (немного больше 7 долл.) у него высчитываются три марки в качестве налога на зар. плату. Кроме того, производятся еще вычеты в большую часть, страхования от увечий и т. д. Так что, вместо 30-ти марок рабочий получает лишь 25. Благодаря такой налоговой системе германской республики, получается такая картина, что 88 процентов всей суммы налогов, получаемых государством, платят трудящиеся и лишь 12 процентов дают капиталисты и помещики. Благодаря этим налогам правительству удалось не только поправить государственный бюджет, в конец разоренный инфляцией, но даже приобрести некоторую прибыль. Вот уже пять лет, как рабочие классы Германии стоят под этим проклятым игом налогов, благодаря которым все тяжести потерянной войны ложатся на плечи рабочих. Благодаря новым законам, старая налоговая система остается в силе, так что и впредь рабочим Германии придется нести непоносимое бремя. Но это еще не все. Кроме этих прямых налогов введены еще новые пошлины на хлеб (зерновой), на свежее мясо, на железные изделия,

на пиво (которое в большом количестве употребляется в Германии), на вино и на многие другие предметы потребления.

Благодаря этим пошлинам жизнь немецкого рабочего на много возродилась. Пошлины вступили в силу первого сентября с. г. Левые партии рейхстага (социал-демократы и коммунисты) голосовали против пошлин и устроили всякого рода комедии в рейхстаге и даже обратились к рабочим Германии с призывом к уличным демонстрациям. Но все эти „меры“ не были, конечно, в состоянии помешать введению пошлин. Реформистские проф. организации, принадлежащие к Амстердамскому проф. Интернационалу, обратились к правительству с меморандумом, в котором они заставляют правительство ввести налог на богатых, указывая, что пошлины лишь вызовут еще большую дороговизну, от которой, главным образом, пострадает неушная часть населения. Само собой разумеется, что правительство никакого внимания не обратило на это прошение и довело до конца свою политику, выгодную для денежных и земельных магнатов.

Единственным и действительным средством борьбы против введения пошлин была бы всеобщая забастовка. Но... это средство анти-парламентское; вот почему парламентские партии избегают этого средства. Ибо, в противном случае, рабочие убедились бы, что не в парламентаризме их путь спасения, а лишь в их собственной прямой экономической борьбе. Партии же больше всего заинтересованы в том, чтобы иметь, к наступлению новых выборов, удачные и привлекательные предвыборные лозунги. Они могут, таким образом, быть довольны. Рабочие же классы Германии должны будут новыми лишениями еще раз расплачиваться за парламентские грехи своих политических партий.

РЕФОРМИСТСКИЕ ПРОФ. СОЮЗЫ ГЕРМАНИИ.

Амстердамский проф. Интернационал выступил, как известно, в защиту пресловутого „плана Дауэса“. Германские капиталисты подчеркивали с самого начала, что „план Дауэса“ лишь тогда может быть осуществлен, когда будет удлинён рабочий день, что увеличит производительность труда и когда заработная плата будет достаточно низка для того, чтобы промышленность могла приносить доходы. Реформистские проф. союзы Германии согласились на эти предложения: поднятие производительности труда и увеличение доходности промышленности. Ведь с самого начала революции (ноябрь 1918 г.) они провозгласили: „Только работа нас может спасти!“ и этим они помогли возрождению капиталистического хозяйства после войны. Почему бы им и сейчас не помочь государству в исполнении его обязательств, вытекающих из „плана Дауэса“, — призывом к рабочим поднять производительность труда? Реформистские проф. союзы вполне согласны с правительством и с капиталистами, что производительность труда должна быть повышена, но они хотят добиться этого не путем увеличения рабочего дня, а интенсификацией (усилением) процесса работы и ее методов. Главари реформистских проф. союзов из кожи лезут вон, чтоб доказать немцам промышленникам всю выгоду системы Форда, Тейлора, механизации процесса работы, благодаря которым хозяйская прибыль увеличивается даже при сохранении 8-часового рабочего дня (пример: „Стандар ойл компа-

ни“) и увеличения заработной платы на пару грошей. Печать реформистских проф. союзов Германии полна восторгов от Форда и американизма. Навешают сладкие мечты о том золотом времени, когда, по примеру Северо-Американских Соединенных Штатов, и в Германии один автомобиль придется на каждые пять жителей.

Ближайшей своей целью, „предварительным шагом к социализму“, реформистские проф. союзы считают создание условий и методов труда на американский лад. Но не обходится, конечно, без ссылок на авторитетное мнение самого Карла Маркса, который, как известно, сказал, что социализм возможен лишь в такой стране, где капитализм достиг высшей точки своего развития. И, так как в настоящее время капитализм в Соединенных Штатах наиболее силен, они (вожди немецкого реформистского движения) считают, что современной состоянию Америки является ближайшей стадией развития Германии. При том совершенно упускается из вида, что, как раз, в Соед. Штатах Америки эксплуатация рабочего класса наиболее утончена и жестока, что капитализм в них чрезвычайно крепок, а социалистическое рабочее движение весьма слабо. Такое настроенное умов не является, понятное дело, случайностью. Оно лишь раз свидетельствует о том, что реформистские рабочие союзы меньше всего заботятся о решительном выступлении рабочего класса на путь классовой борьбы в защиту его жизненных интересов. Нет! они заняли позицию посредников между капиталом и трудом и с этой позиции они не хотят сдвинуться. Вожди реформистского рабочего движения Германии уж давно обратились в особую классовую группировку: они являются профессиональными посредниками на рынке труда, где рабочая сила продается. Они принимают участие при заключении тарифных договоров и при переговорах о заработной плате, они заботятся о том, чтоб избежать забастовок, они борются против пассивного сопротивления (рабочих) и против саботажа и стараются уладить все конфликты между трудом и капиталом мирным путем, при помощи законов. Этим и объясняется тот исключительный интерес, который вожди реформистского рабочего движения питают к социальному законодательству и к созданию законных примирительных учреждений в национальном и международном масштабе. Не лишне подчеркнуть, что правительства и капиталисты умеют, конечно, ценить по заслугам деятельность таких „вождей“ рабочего класса, они не упускают случая, чтоб не подчеркнуть всю важность „проф. союзов“ в деле единодушного и безобидного улаживания конфликтов между трудом и капиталом. Характерно, что один из крупнейших представителей немецкой промышленной буржуазии — *Гуго Стинес* — назвал крупное торговое судно, выстроенное на его верфях, именем *Леиена*, того сегомо *Леиена*, который десятилетия лет был председателем Всеобщего Немецкого Рабочего Союза, одной из крупнейших организаций Амстердамского Интернационала. При освящении судна *Стинес* произнес весьма примечательную речь, в которой он подчеркнул бессмертные заслуги *Леиена* в деле восстановления (капиталистического) хозяйства. Такая оценка, данная вождю реформистского рабочего движения Германии одним из самых заядлых врагов рабочего класса, заслуживает особого внимания.

Жизнь организации И. Р. М.

С'ЕЗД РАБОЧИХ МОРСКОГО ТРАНСПОРТА.

В Нью-Йорке, с 1 по 8 октября, состоялся с'езд рабочих морского транспорта, объединенных в Индустриальный Союз №510 И. Р. М. С'езд был весьма оживленным, на нем разбирались и дискутировались многие важные вопросы, касающиеся организации рабочих и общих действий против хозяев в мировом масштабе.

События последнего года были хорошим уроком для рабочих морского транспорта. Ни в одной отрасли промышленности организационный вопрос не является таким сложным, как в морском транспорте. В этой индустрии вы на каждом шагу встречаете «представителей» различных народностей, безжалостно эксплуатируемых хозяевами, от организации и солидарности которых зависит успех борьбы. Работая в такой интернациональной массе и ведя борьбу против хозяев, члены И. Р. М. союза морского транспорта на практике пришли к заключению, что в устав организации И. Р. М. должны быть внесены существенные изменения. Эти изменения, по мнению делегатов с'езда моряков, должны коснуться, главным образом, вступительных и членских взносов и ведения дел союза. До сих пор было постановлено, как правило, чтобы дела всех индустриальных союзов велись по общему плану, принятому с'ездом организации. Сюда включались вступительные и членские взносы и определенный взнос в главную контору. В связи с этим на с'езде моряков и был поставлен вопрос об автономии союзов. Интересно по этому поводу обращение делегатов к членам союза, разосланное по всем отделам и опубликованное в печати. Вкратце оно сводится к следующему:

«Товарищи-рабочие:

На с'езде было выяснено, что все собравшиеся делегаты стоят за автономию индустриального союза и за право ведения дел по усмотрению союза.

Товарищи, мы были посланы сюда для того, чтобы общими усилиями выработать программу действий, которая бы отвечала требованиям момента. Мы стоим за индустриальную автономию, потому что мы знаем, что в прошлом наша работа тормозилась общим уставом организации. Кроме того, являясь интернациональным союзом по месту действия, почти что невозможно вести успешную организационную работу при старом уставе, многие поста-

новления которого, принятые при участии товарищей не знакомых с положением дел в морском транспорте, мешают нашей работе.

Если мы в будущем должны быть организованы интернационально, мы не можем позволить, чтобы национальная организация предписывала интернациональной. Так как общий устав противоречит многим задачам, стоящим перед моряками, то мы предлагаем наилучший способ решения этого вопроса: индустриальную автономию.

Итак, товарищи, мы, делегаты с'езда, надеемся, что Союз Рабочих Морского Транспорта, обсудив вопрос всесторонне, поддержит нас».

С'ездом принято решение о подразделении членского состава на три категории: моряков, грузчиков и рабочих прибрежных пароходов. Это решение, не нарушая гармонии союза, позволяет, по мнению делегатов, более планомерно вести работу организации. Решено также увеличить вступительные взносы с двух долларов до пяти и ежемесячные членские взносы с 50 центов до 1-го доллара. По вопросу о выборе должностных лиц было принято решение, согласно которому кандидаты должны иметь минимум двухгодичный стаж пребывания в союзе и работы в индустрии. Решено удлинить срок для выборных должностных лиц, который до сих пор ограничивался одним годом. В будущем секретарь союза и члены комитета, по решению с'езда, могут быть избираемы на три года. Эти и другие изменения, предоставляющие широкую автономию, будут поставлены на референдум и войдут в жизнь только после принятия их членским составом.

По вопросу о международной связи и действиях была принята с'ездом следующая резолюция:

«С'езд вполне сознает, что после мировой войны во всех странах нажим на профессиональные и индустриальные союзы со стороны капитала постоянно увеличивается.

Организация капиталистов, противостоящая рабочим, интернациональна. Ничто, кроме соответствующей интернациональной организации рабочих, базирующейся на классовой борьбе и солидарности, не может справиться с создавшимся положением дел. Поэтому данный с'езд стоит за интернациональную кооперацию на бази-

се классовой борьбы и солидарности не только со стороны Союза Рабочих Морского транспорта, но и организации И. Р. М. в целом.

С'езд уполномочивает организационный комитет и секретаря-казначея немедленно начать переписку с организациями рабочих морского транспорта всего мира, которые признают классовую борьбу и солидарность, для того, чтобы достичь кооперации действий в интернациональном масштабе среди моряков. Результаты же, время от времени, должны быть сообщаемы отделам союза.

С'езд уполномочивает комитет и секретаря-казначея немедленно снестись с организациями морского транспорта Англии, Южной Африки и Австралии, которые прямо и активно ведут забастовочную борьбу в данное время, и упрочить связи для борьбы против международных магнатов в этой индустрии. Результаты этого действия также должны быть доведены до сведения всего членского состава союза.

Пусть эта программа будет базисом для нашей работы на следующем интернациональном с'езде моряков в Гаване и пусть наши делегаты на следующем с'езде И. Р. М. руководствуются этой программой для

общего блага как союза транспортных рабочих, так и организации И. Р. М. вообще».

Резолюция принята единогласно. Секретарю-казначею и членам комитета даны инструкции и полномочия немедленно провести это в жизнь.

Следует заметить, что не проходит ни одного с'езда союзов И. Р. М., на который не присылались-бы большевистские прокламации с изложением аргументов, с примесью комплиментов, за присоединение к Московскому Профинтерну. Случилось это и на с'езде моряков в Нью-Йорке. За подписью агента большевистского правительства Г. Джорджа, с'езду было прислано воззвание, в котором говорилось о том, как много дает объединение с «красными моряками». Однако с'езд категорическим образом, как это было и раньше, отвергнул его предложение, заявив, что не находит нужным на этот раз давать пояснения своему отказу, так как пояснения отказа присоединиться к Москве не раз были изложены и должны быть известны большевикам.

В заключение можно добавить, что, судя по протоколам с'езда, настроение среди моряков дает надежды полагать, что организационная работа будет вестись с неослабевающей энергией.

ЗАБАСТОВКА ЗАКЛЮЧЕННЫХ ЧЛЕНОВ И. Р. М. В ТЮРЬМЕ САН КВЕНТИН, КАЛИФОРНИЯ

Только недавно стало известно, что товарищи П. Меллман и Дж. Варелла с 24-го сентября по настоящее время находятся в одиночном заключении Сан Квентинской тюрьмы. Посадили их в одиночку за то, что страже, следящей за ними при работе, показалось, что они недостаточно продуктивно работали при рытье каналов в тюремном дворе. По этому поводу был сделан донос начальнику двора г-ну Гоббсу и по его распоряжению наши заключенные товарищи были брошены в одиночные изолированные казематы.

Когда об этом узнали другие товарищи, находящиеся в заключении той же тюрьмы, они явились к начальнику стражи с требованием объяснения этого поступка, для которого не было никакого повода. Начальник стражи ответил им, что для этого не требуется пояснения с его стороны, так как он может по своему усмотрению наказывать заключенных, как ему вздумается, и что нет тюремного закона, которым бы ограничивались его действия в этом направлении.

После этого 19 заключенных товарищей решили, что если некоторые из них могут быть отправлены в изолированное заклю-

чение за то, что их работа, которую они не в силах выполнить, кажется недостаточной для стражи, так им остается только одно: протестовать против этой тирании. Они объявили забастовку и за это, подобно первым двум, были посажены в изолированные одиночные камеры, в которых они находятся с 28-го сентября.

После объявления забастовки все товарищи были представлены стражей начальнику, который прямо заявил, что они будут находиться в изоляции до окончания их срока заключения.

Но он не остановился на одном этом заявлении. Нет, он пошел дальше, много дальше. Изолированные находились в своих казематах в течение девяти дней без параш. Пищевые порции были урезаны. Им пришлось сидеть на урезанном пайке до 14-го октября. Кроме того, им отказывают во всем необходимом для поддержания чистоты. Если их продержат в таком строго изолированном заключении еще некоторое время, то приходится опасаться за их здоровье. Должны быть приняты скорые меры для оказания им помощи.

Мы не можем и не должны позволить,

чтобы такое положение дел продолжалось. Все это сделано с ведома высшей тюремной администрации. Рабочим нужно отве-

тить на этот позорный акт дружным протестом и энергичным оказанием помощи заключенным товарищам.

НА ЗАЩИТУ РИЧАРДА ФОРДА!

Товарищи, калифорнийская буржуазия домогается смерти Ричарда Форда; над его головой повис меч ее кривосудия. Жизнь Форда в опасности. Все на защиту стойкого товарища!

В прошлом номере «Голоса Труженника» мы сообщали об обстоятельствах ареста Р. Форда. Напоминаем еще раз.

Ричард Форд — старый член И. Р. М. В 1913 году он был облыжно обвинен в убийстве шерифа и уездного прокурора и осужден на пожизненное тюремное заключение. Истинная же причина расправы калифорнийской буржуазии с тов. Фордом — его активное участие в забастовке рабочих плантаций хмеля. Продержав одиннадцать лет в тюрьме, буржуазия освободила его 2-го октября текущего года; но освободила она его для того, чтобы сейчас-же, как только он перешагнул за тюремные ворота, снова арестовать и привлечь по делу об убийстве шерифа Рирдона, к которому он не имел никакого отношения.

Товарищи, вы видите, что месть буржуа-

зии не знает пределов. Она мстит своим врагам, не брезгая никакими средствами, до тех пор, пока не добьется их смерти и даже после смерти она не оставляет их в покое своей ядовитой клеветой. Нужно ей дать отпор.

Нужно вырвать из ее рук невинную жертву. Этим делом занят Комитет Защиты. Наш долг помочь Комитету в его трудном деле. Вы знаете, товарищи, что буржуазный суд и его волокита стоят огромных денег; без денег, следовательно, у Комитета Защиты руки будут связаны и буржуазия беспрепятственно расправится с Фордом. Помогите же Комитету в его трудной работе. Шлите пожертвования в фонд защиты Форда. Шлите, кто сколько может. Русская пословица говорит: с миру по нитке — голому рубашка, а мы должны сказать: с миру по сенту — Форду жизнь!

Все на защиту Ричарда Форда!

GENERAL DEFENSE COMMITTEE,
3333 Belmont Ave., Chicago, Ill.

В ПОМОЩЬ ЗАКЛЮЧЕННЫМ.

Комитетом Защиты, при организации И. Р. М., издан сборник стихов под названием: «Позор Калифорнии». Этот сборник продается по 25 сентов в розничной продаже. При оптовой продаже дается скидка в 40 процентов. Весь доход предназначен на помощь пленникам классовой борьбы, главным образом томящимся в тюрьмах штата Калифорния, которым и посвящен сборник.

Если вы хотите узнать, почему мы называем прекрасную Калифорнию штатом позора, приобретите экземпляр вышеупомянутого сборника.

В данное время членами организации И. Р. М. и сочувствующими собираются пожертвования для рождественских подарков нашим заключенным товарищам. Для облегчения этого сбора выпущены специальные подписные книжки. Если вы сознаете, что никому из нас не следует забывать наших плененных борцов и что им нужно оказать помощь, напишите об этом нам и вам будет послана подписная книжка по сбору денег для этой цели. Имена жертвователей будут опубликованы в прессе.

Пишите по адресу «Голоса Труженника».

ОТКЛИКИ

МЕЖДУНАРОДНОЕ ТОВАРИЩЕСТВО РАБОЧИХ

ДОВОЛЬНО важный вопрос об интернациональном объединении выдвинут на страницах «Голоса Труженника» не во время. Не во время появилась статья А. Шапиро, пишущего на эту тему. При данных обстоятельствах трудно ожидать, чтобы дискуссия об интернациональном объединении могла привести к положительному для М. Т. Р. решению.

Отколовшаяся от Индустриальных Рабочих Мира часть, известная под именем «Эмердженси Программ», обратилась к М. Т. Р. с выяснением своей позиции и с предложением войти в М. Т. Р. Кто хотя немного знаком с раздорами в организации И. Р. М., тот поймет сразу, что «Э. П.» хватаются за М. Т. Р., как утопающий за соломинку

Централисты и автократы до мозга ко-

стей, Раддоки, Баурманы, Греди и Ко. **вынуждены** были стать «синдикалистами», иного выхода им не было. После того, как этим господам не удалось захватить главной конторы И. Р. М. при помощи суда, они не брезгают никакими средствами, чтобы разрушить организацию И. Р. М., но, к счастью, им это не удается. Как у русских большевиков для всякого противника есть кличка контр-революционер, так и у этой публики для всех несогласных с ними есть кличка **«коммунисты»**.

Заявление М. Джонсона, опубликованное с примечанием М. Т. Р., есть сплошная ложь; если в среде товарищей-рабочих, читающих «Голос Труженника», найдется желающий ее защищать, то я готов доказать фактами, что все их заявление — ложь. Печально, конечно, что М. Т. Р. поймалось на удочку лжи. Будем ждать когда секретариат М. Т. Р. расследует это дело и вынесет свое решение.

А пока что нам приходится оставаться при звании коммунистов и провокаторов, как нас величают господа новоявленные «синдикалисты» из И. Р. М.

Какой ужасный гвалт подняли эти господа, когда 16-ый съезд подтвердил революционные принципы И. Р. М. Мы ведь, по их мнению, самые что ни на есть мирные обыватели, а они, там, говорят о какой то революции, о необходимости физического сопротивления и т. д.

Наши новоявленные «синдикалисты» давно бы умерли естественной смертью с некоторой пользой для рабочего движения, да, к сожалению, наши редактора и должностные лица, желающие свести личные счеты, не дают им умереть. А тут подоспело вмешательство М. Т. Р. и, пожалуй, «Э. П.» протянут еще некоторое время.

Не берусь быть пророком. Возможно, что Индустриальные Рабочие Мира войдут со временем в Международное Товарищество Рабочих. В настоящее же время говорить о присоединении не приходится. Там, где «Эмердженси Программ», нет места Индустриальным Рабочим Мира.

Я против вступления И. Р. М. в М. Т. Р., во-первых, потому, что И. Р. М. являются интернационалом, а, во-вторых, потому, что вступление не принесло бы пользы рабочему движению. Я признаю объединение бессильных единиц, — (а революционные синдикалисты и индустриалисты пока что единицы бессильные) — лишь по плану строжайшей дисциплины и централизации а-ля Москва. Приказ свыше моментально рассылается по белу свету и приводится в исполнение (или сообщается, что приведен в исполнение). Объединение же федералистическое является содружеством с об-

меном мнений, советами и т. д. К действию, при современных условиях промышленности, требующих скорых, коротких и чувствительных забастовок, такое объединение неспособно. Разбросанные мелкие единицы фактически предоставлены самим себе в вопросе непосредственной борьбы. Помощь материальная и моральная может оказываться (и оказывается) независимо от объединения.

Всем нам приходится вести партизанскую войну. Никто из нас не окреп настолько, чтобы вести войну в национальном масштабе. Покуда мы остаемся бессильными в национальном масштабе, мы ничего не способны сделать и в интернациональном. Поэтому, прежде всего, если мы хотим быть полезны нашим зарубежным товарищам-рабочим, нужно организовать силы национально.

Разговаривать же разговоры, махать кулаками и показывать нашим врагам кукиш в кармане — дело мало полезное.

До сих пор вопрос об интернациональном объединении, кроме раздоров в организации, никаких плодов не принес. Он задержал развитие организации, он разрывает ее на части. Быть может, если бы не было этих вопросов, И. Р. М. в настоящее время были бы могущественной экономической силой и смогли бы оказать реальную поддержку рабочим других стран.

Я.

* * *

Товарищ Я. считает, что вопрос об интернациональном объединении не во время выдвинут на страницах «Голоса Труженника»; я же думаю, что этот вопрос выдвигается с непростительно большим опозданием...

Всякий вопрос, важность которого мы признаем, настоятельно требует, чтобы о нем говорили, чтобы его обсуждали, чтобы его рассматривали серьезно и всесторонне. Если вопрос важен, то важно и его решение. Кто-же важные, т. е. самые необходимые дела откладывает в неопределенную даль?

Мы всегда важные, насущные вопросы решаем в порядке первой очереди, значит, и вопрос об интернациональном объединении должны решить в первую голову. Признание важности вопроса не может совмещаться с отодвиганием его решения, а тов. Я., признавая важность вопроса, считает излишним его обсуждение (по несвоевременности) на страницах печати И. Р. М.

Товарищ Я. считает, что еще нет соответствующей обстановки для широкого обсуждения вопроса об Интернационале. Я же считаю, что этот вопрос давным-давно должен был быть решен организацией

И. Р. М. Этот вопрос, поднявшийся в 1920 году, не должен был быть снят с очереди до его полного решения. И вопрос об М. Т. Р., которое за редким исключением, так старательно замалчивала и продолжает замалчивать печать И. Р. М., не должен был быть так смазан, как его смазали верхушки И. Р. М. Если вспомнить, что Гарди, делегат И. Р. М. в Москву, принимал участие на Берлинском совещании рев. синдикалистов 1920 г. и что он дал уверение, что И. Р. М. примут активное участие в намечавшейся международной конференции революционных синдикалистов, если вспомнить, что эти уверения были потом подтверждены Вильямсом, то становится более чем странной, более чем непонятной линия поведения И. Р. М. в отношении М. Т. Р. Этому неопределенному поведению пора положить конец. Если И. Р. М. против М. Т. Р., тогда будет понятна статья редактора «Солидарити», тогда будет ясна позиция И. Р. М.; эта ясность и определенность даст возможность и М. Т. Р. и всему международному революционно-синдикалистскому движению в свою очередь занять ясную и определенную позицию в отношении северо-американских И. Р. М.

Мы упомянули анти-эмтэровскую статью «Солидарити», статья эта вызвана заявлением «Эмердженс Программ», напечатанным в одном из номеров информационного бюллетеня М. Т. Р. Остановившись на этом факте, сделаем, подобно тов. Я., маленькое отступление от основной темы.

Тов. Я. считает, что М. Т. Р., фактом опубликования заявления «Э. П.» в своем бюллетене, поймало на удочку. Предположим, что это так. Но нужно помнить, что М. Т. Р. рыба не по удочке рыболовов из «Э. П.» и им не вытянуть ее на берег. Но я не считаю, что М. Т. Р., опубликовав заявление, подписанное Джонсоном, попало на удочку. Примечание к этому заявлению не дает того думать. Больше того, хотя М. Т. Р. и ощущает острую необходимость в существовании в С.-А. С. Штатах организации, которая входила бы в его состав, оно, тем не менее, считается с интересами пролетариата каждой страны, не набросилось на «Э. П.» и не включило их в свои ряды, да и едва ли включит. Наоборот, своим примечанием оно подчеркнуло свою осторожность — свое мнение оно выскажет не раньше, как получит и опубликует исчерпывающие данные с другой стороны. Задача нашей организации и наша задача — осветить это дело со всех сторон и возможно полнее. Следовательно, раз «Э. П.» не признаны М. Т. Р., то заявление тов. Я., что там, где «Э. П.», нет

места для И. Р. М., не может относиться к М. Т. Р....

«Э. П.», несомненно, скоро умрут, сойдут со сцены, отойдут в область прошлого, оставив после себя печальную память и незavidную кличку раскольников. Они уже умирают. Главари раскола, Раддок и Баурман, (самого нелепейшего раскола из всех известных мне расколов в рабочих организациях различных стран), уже совсем покинули ряды революционного рабочего движения. «Эписты» уже не имеют главной конторы в Чикаго — она им не по карману, их газета не в состоянии оплачивать редактора даже 15-ю долларами в неделю. Наиболее сознательные элементы из «эпистов», делают попытки к объединению с материнской организацией. И наша задача — дружески протянуть им руку, помочь им выйти из заблуждения. Если понадобится объединительный съезд — необходимо его созвать. Пусть «эписты» имеют в своих рядах от одной до трех тысяч, все равно нужно через головы вожаков съезд созвать, ибо факт объединения будет иметь огромное моральное значение, он может быть вернет организации ту огромную массу членов, которые совсем покинули организацию. Ведь этот нелепый раскол дал во много-много раз более печальные результаты, чем проклятая «пальмеровщина».

Я не думаю, что среди читателей «Голоса Труженика», а тем паче среди его ред. коллегии, имеются товарищи, защищающие «эпистов». Таких нет. И вы, тов. Я., напрасно торопитесь доказывать фактами виновность и более чем вредную роль «эпистов» — нет кому доказывать.

Если все это мы разясним в спокойном тоне, а не в тоне редактора «Солидарити», то, несомненно, М. Т. Р. не сделает ошибки и «эписты» раньше их физической смерти будут морально похоронены в глазах международного революционного движения. Не обижаться надо на М. Т. Р., а использовать предоставленную им возможность похоронить «эпистов» не только здесь, у себя дома, но и на арене международного рабочего движения, а для этого сейчас прекрасный случай.

Товарищ Я. высказывается против вступления в М. Т. Р. по двум основным причинам. Во-первых, потому что организация И. Р. М. с главной квартирой в Чикаго — есть интернационал — Чикагский интернационал, значит; во-вторых, потому что он стоит за строгую централизацию и строжайшую дисциплину.

Странно слышать это из уст тов. Я. И. Р. М. — Интернационал?! Когда это случилось? Ведь, не забывайте, тов. Я., что еще не так давно вы этого не думали; ведь, не

так давно вы стояли за вступление И. Р. М. в III-ий Коммунистический Интернационал, пока не будет организован индустриальный интернационал. Неужели с тех пор И. Р. М. превратились сами в Интернационал? Не вижу никаких признаков этого, наоборот, И. Р. М. обычная национальная рабочая организация. Может быть она — интернационал по своему членскому составу? Но тогда Соединенные Штаты тоже интернационал и при том самый полный. Может быть И. Р. М. интернационал по целям? Но все революционные рабочие организации по цели интернационалистичны, однако, ни одна из них не думает считать себя интернационалом. Почему же должны это делать И. Р. М., в программе которых, кроме названия, нет даже прямого указания на интернациональные цели и на интернациональную солидарность пролетариата? К стати, программа уже устарела, рабочее движение уже выросло из пределов общих фраз и формул, оно требует уже более конкретной программы...

Может И. Р. М. — интернационал потому, что в других странах возникают национальные организации под тем же именем? Но, ведь, ни одна из них не считает себя частью «Чикагского Интернационала», напротив, чилийские И. Р. М. вошли в состав М. Т. Р., ни одна из них ничем конкретно не связана с Чикаго, кроме общности программ. Но ведь и все революционно-синдикалистские, анархо-синдикалистские организации европейских стран имеют ту-же общность между собой, однако, ни одной из них и в голову не приходит считать себя интернационалом. Этот пункт, который выдвигает тов. Я. против вхождения в М. Т. Р., несостоятелен.

Что касается второго пункта — централизма — то на нем тоже не приходится долго останавливаться. Было бы печально, если-бы И. Р. М., как целое, разделяли заблуждение тов. Я., но к счастью они далеко отстоят от этого. Что такое в настоящее время И. Р. М., как не строго федералистическая организация, в которой Главная Контора совершенно, почти абсолютно лишена власти и сведена на положение хозяйственного и регистрационно-информационно-пропагандистского бюро? Если бы этого не было — то спрашивается, как И. Р. М. могли бы сочетать идею широкой самостоятельности масс, идею огрничания водительства и вождей с централизмом, недопускающим другой самостоятельности, кроме самостоятельности в проведении директив центра и порождающего вождей и бюрократизм? Мне совершенно непонятно, как тов. Я. одновременно может быть сторонником широкой самостоятельности и

централизма? Одно из двух — или самостоятельность, тогда, значит, и федерализм, или централизм, тогда, значит, приказ, подчинение, а при строжайшей дисциплине — выполнение приказов без рассуждения. Если а-ля Москва, так все а-ля Москва, со всеми последствиями: а-ля Москва — профдвижение, подчиненное партии, а-ля Москва — революция, а-ля Москва — диктатура. Признание централизма, да еще со **строжайшей** дисциплиной, может иметь последствия только а-ля Москва. Централизм имеет свою логику, которая приводит к «а-ля Москва» даже тогда, когда не все приемлется в Москве. Однако, в данном случае можно быть спокойным за И. Р. М. — они не пойдут по пути Москвы и не будут поступать а-ля Москва.

Я говорил по этому вопросу, тов. Я., с такими же старыми, уважаемыми и видными индустриалистами, как вы; они, усмехнувшись, сказали мне: никогда этого не будет, чтобы И. Р. М. выполняли приказы Москвы, Берлина или другого какого-либо центра командования. Нелепо, чтобы из Москвы или из Берлина руководили забастовками в Америке.

Вы дальше пишете, что пока мы бесильны в национальном масштабе, нам нечего вступать в международное объединение, (в данном случае в М. Т. Р.), ибо от такого объединения нет никакой пользы пролетариату. Странно, очень странно слышать это от вас, стоявшего за вступление в Коминтерн. Разве тогда И. Р. М. были очень сильны в национальном масштабе?.. Слабые организации больше нуждаются в интернациональном объединении. В объединении сила — трафаретная истина. Еще Бакунин сказал, что объединение, даже трех человек — начало силы. Почему же нам избегать объединения? Нет физической, материальной, осязаемой выгоды, отвечаете вы. Согласимся на время. Ну, а моральная выгода разве ничего не стоит? А ведь эта выгода несомненна в результате вступления в М. Т. Р. Но я вижу и другие выгоды, выгоды и не морального порядка.

Финансовых выгод, конечно, быть не может — М. Т. Р. не Москва: из казны денег не берет. Но вот, примерно, какие выгоды могут быть — координация действий, согласованность их, единовременные выступления по целому ряду вопросов, интернациональная помощь пленникам классовой войны и стачечникам, взаимная информация, а это отнюдь не махание кулаками и не показывание кукиша в кармане.

Вы утверждаете, что интернациональный вопрос — причина внутренних раздоров в организации, причина ее замедленного ро-

ста. Я этого не вижу. Наоборот, считаю, что изолированность И. Р. М., их оторванность от М. Т. Р. есть причина неурядиц. Я уверен, если-бы И. Р. М. были членами какого либо интернационала, то прошлогоднего нелепейшего и преступнейшего раскола не было бы, а если бы он все-таки произошел, то последствия его были бы неизмеримо слабее, ибо вмешательство такого морального авторитета, как Интернационал, оставило бы Баурманов и Раддо-

ков генералами без армии. Это мое глубокое убеждение.

Чем скорее будет положительно решен вопрос о вступлении И. Р. М. в М. Т. Р., тем скорее наступит выздоровление и нормальный рост И. Р. М.

Я за Международное Товарищество Рабочих, ибо его программа и тактика Индустриальных Рабочих Мира.

М.

ВОЗЗВАНИЕ

ПОМОГИТЕ ПОЛИТИЧЕСКИМ ЗАКЛЮЧЕННЫМ В С.С.С.Р. (РОССИИ)

В России уже в полном разгаре зима с трескучими морозами. Десятки тысяч политических заброшены в отдаленные места северной России и Сибири. Они ютятся в дымных избах, лишены нормального питания, полурасдеты. Для них пережить суровую зиму это — пережить ряд самых тяжелых физических и моральных лишений. Загнанные в медвежьи трущобы, отстоящие на десятки и сотни верст от железных дорог, они не могут иметь даже нищенского заработка, а те, к кому коммунистическая власть менее жестока и выслала в более или менее людные места, фактически лишены права работать.

В тюрьмах еще хуже: грязь, насекомые, холод, скверная пища, жестокий режим и не лучшее обращение тюремной администрации. Положение политических заключенных и ссыльных ужасно. Необходимо прийти им на помощь, необходимо узников жесточайшей власти поддержать ма-

териально и морально. Мы, живущие здесь и непредставляющие и не испытывающие даже сотой доли того, что там переживают, можем и в силах им помочь. Мы должны им помочь, ведь это наша нравственная обязанность. Помимо пожертвований нужно устраивать различные предприятия в пользу политических заключенных.

Чикагское Общество Помощи Политическим заключенным в России 19 декабря с. г. устраивает бал, в Доуглас Парк Аудиториум, угол Кедзи и Огден. Этот бал не только нужно посетить, но нужно, чтобы другие города и организации последовали примеру чикагского общества.

Нужда велика — помогите!

Р. С. Чикагское общество пересылает деньги заключенным и ссыльным непосредственно. Пожертвования могут идти через «Голос Труженика».

Комитет Общества.

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИК.

Е. Ярчуку, Париж.

Ваша «декларация» о мотивах вашего перехода в стан «ликующих, праздно болтающих, обагряющих руки в крови», то есть коммунистов, пойти в нашем журнале не может.